

НАШИ ТАМ

СЕРГЕЙ КУРГАН

ПЕСОК
ВЕЧНОСТИ

Наши там (Центрполиграф)

Сергей Курган
Песок вечности

«Центрполиграф»

2020

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Курган С. И.

Песок вечности / С. И. Курган — «Центрполиграф»,
2020 — (Наши там (Центрполиграф))

ISBN 978-5-227-09044-7

Студентам Ане и Максу предстоит выполнить сложное и ответственное задание. Молодость всегда готова к приключениям, но задание это надо выполнить в XIII веке на юге Франции, где ты, как в жерновах, оказываешься между безжалостными рыцарями-крестоносцами и религиозными фанатами. И вот ты в чужом времени. С чего начать? На каком языке объясняться? Что может спасти, если допустишь ошибку? А найти то, за чем ты сюда прибыл, совершенно необходимо. Найти и вернуться...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-227-09044-7

© Курган С. И., 2020
© Центрполиграф, 2020

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	30
Глава 5	38
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Сергей Ильич Курган

Песок вечности

© Курган С.И., 2020

© Художественное оформление серии, «Центрполиграф», 2020

© «Центрполиграф», 2020

Глава 1

Ставки сделаны

– Почему они все время бьют в эту чертову гору? – с раздражением произнес Макс, после того как в Ле-Пог ударило сразу три молнии.

Аня усмехнулась – про себя, чтобы не задевать Макса, который и так был сильно напряжен. И ворчлив гораздо более обычного. Впрочем, и ситуация-то была куда как необычна, мягко говоря. Но с поручениями Сержа всегда так. И потом, разве она не сама этого хотела? Хотела, конечно, но... Хотеть – это одно, а на деле, если хорошо подумать, то это же сумасшедший риск, прямо безумие какое-то. Хотя теперь уж поздно об этом...

«Ставки сделаны, господа. Ставок больше нет», – вспомнила она дежурную фразу крупье, которую слышала в Монте-Карло. Она все-таки побывала в знаменитом казино, как и мечтала. Монте-Карло... Кажется, это было сто лет назад. И вот теперь она здесь. Может быть, хорошо, когда не все мечты сбываются? На этот раз, похоже, перебор с адреналином. Аня тихонько вздохнула. Кстати, в самом деле, почему молнии бьют в Монсегюр просто пучками?

– Чертова гора? – переспросила она. – Вроде бы должна быть, скорее, святой. Или нет?

– Ну да, – согласился Макс, – эти катары от черта-то как раз и бегут, думают только о спасении души своей драгоценной. В голове у них – мысли о вечной жизни.

Аня молча слушала.

– Я понимаю теперь, почему они все тут, в Средневековье, так озабочены «жизнью будущей», – добавил Макс.

– Почему же? – спросила Аня рассеянно, думая о своем.

– Потому что та жизнь, которой они здесь живут, – это не жизнь.

Аня посмотрела на Макса, едва различая его лицо. Они сидели без света, чтобы не привлекать внимания кого бы то ни было: ни катаров, ни добрых католиков, ни, боже сохрани, рыцарей, обложивших замок и после одиннадцатимесячной осады готовящихся, наконец, к штурму. Штурму, только подумать! При виде Монсегюра, вознесшего свои стены на вершине высокой и крутой, с почти что отвесными склонами, горы Ле-Пог, сама мысль о штурме казалась абсурдной.

– Неудивительно, – продолжал разглагольствовать Макс, – что они все время думают о смерти. Они просто сжились с ней, воспринимают как старую знакомую. Они уже почти что и не боятся ее, ведь она тут на каждом шагу. Ясно теперь, откуда все эти изображения черепов, скелетов. Смерть все время где-то рядом. А уж о катарах нечего и говорить!

Аня молча кивнула. Разговаривать не слишком хотелось, тем более что вставить свою реплику в поток рассуждений Макса было не так-то просто. Макс был верен себе. Впрочем, его это, наверное, успокаивало. А спокойствие сейчас необходимо, хотя... Какое уж тут спокойствие! Жар возбуждения буквально бушевал в жилах. Да, она склонна к опасным авантюрам, но не зашла ли она на этот раз слишком далеко? Хотя ведь это все не ради развлечения.

Время тянулось томительно медленно – приходилось ждать. Серж настаивал на том, что непременно нужно дождаться темноты.

– Имейте в виду, – говорил он, – что темнота будет действительно полной. Тем, кто живет в XXI веке, это непривычно, сейчас всегда где-нибудь что-нибудь да светится.

– Даже в лесу? – спросил иронически Макс. Нашел с кем иронизировать!

– Даже в лесу, – ответил Серж совершенно серьезно. – Где-то ведь все равно есть города, и они подсвечивают небо. Небо светлее, гораздо светлее, чем в те времена. Общий световой фон заметно ярче. Вы даже не представляете себе, как темно было тогда.

От этого «тогда» Аня вздрогнула. Для них с Максом – это теперь. В год 1244-й от Рождества Христова.

Она оттянула рукав и взглянула на черный браслет на левом запястье. Это – единственное, что соединяло с их родным временем.

– Ты же знаешь, – нехотя начала она, – что катары считали окружающий мир царством зла и страдания, вырваться из которого, то есть умереть, значило спастись. Освободить душу от телесных оков и обрести блаженство. Слиться с Богом. Они это называли «благой кончиной».

– Ну конечно, – ворчливо согласился Макс, – якобы Бог не мог создать этот мир, потому что этот мир – ад, а Он – Бог любви, и потому никак не мог сотворить подобное. И тело – это тоже творение преисподней, потому что это – тюрьма для души, которую Он создал. Мол, все телесные отправления – это от сатаны, а душа – она чистая, не писает, не какает. Такая, ты ж понимаешь, брезгливость! Далась им эта чистота.

Макс, как всегда, наводил критику. Но Аня понимала, что он прав. Катары были, красиво выражаясь, дуалистами: у них получалось, что Бог и дьявол равнозначны, что они обладают одинаковым могуществом. Якобы только душа и жизнь вечная от Бога, а тело и реальный мир – от дьявола. Но ведь это чушь! Все в этом мире – от Бога. Она вспомнила разговор с Сержем.

– Они, дескать, жили в Аду, – говорил он, крутя в руках золотую зажигалку.

Аня еще удивилась: зачем она ему? Ведь он не курит!

– Какая глупость! Много они понимали... – продолжал он с усмешкой. – Что они знали об аде? «Царство Люцифера»! Оставили бы уж Люцифера в покое. Нечего ему чужие дела приписывать! Люциферу плагиат ни к чему, у него и так хватает забот – уж можете мне поверить!

Аня саркастически улыбнулась при этом воспоминании: Сержу ли не верить?

– Что да, то да, – ответила она на тираду Макса, – они были озабочены совсем не тем, чем люди XXI века.

– Дурь какая-то! – продолжал кипятиться Макс. – Бог дал вам жизнь – живите! Нормальный человек со всем этим не заморачивается.

– Ну, нам-то сейчас есть чем заморачиваться, – возразила Аня. – Уже стемнело. Думаю, пора трогаться.

– Да, – согласился Макс, взглядываясь в то, что казалось полной темнотой. – И как только они что-то тут видели? Темно, как...

Он не договорил. Вздыхнув, надел инфракрасные очки и проверил футляр-кобуру с их едва ли не единственным оружием – специальным пистолетом, стреляющим ампулами быстродействующего транквилизатора. Количество ампул, впрочем, было ограничено. Кроме этого, у каждого из них имелся электрошокер. По словам Сержа, в случае столкновения с рыцарями от него было бы мало проку, но огнестрельное оружие брать было нельзя.

Макс выглянул в окно: на фоне неба, чуть более темный, чем окружающий ландшафт, был едва различим Ле-Пог со стоящим на нем замком. Макс протянул руку во тьму – дождь, похоже, прекратился. Хоть это хорошо.

– А они ничего и не видели, – сказала Аня. – Помнишь, Серж говорил, что в безлунные, беззвездные ночи приходилось надеяться на другие чувства и что у нас такой привычки нет. У нас и слух, и обоняние находятся в угнетенном состоянии, особенно слух, потому что мы живем в очень шумном мире.

– Ага, – хохотнул Макс, – как он там сказал? «Постоянно с этими дурацкими наушниками в ушах, словно они в них рождаются на свет».

– Да, – отозвалась Аня. – Это он от раздражения. Но он сказал тогда и кое-что поважнее.

– Что «люди разучились слушать тишину»?

– Да, именно. И в нашем положении это опасно.

– Действительно, здесь так тихо...

– Эти инфракрасные очки не могут дать картинку, на сто процентов соответствующую нормальному световому видению днем, – заметила Аня. – К тому же к ним еще надо привыкнуть. Так что нам с тобой придется быть очень внимательными, если мы хотим вернуться, и любой шорох может иметь для нас значение.

– Прежде чем вернуться, нужно остаться в живых, – заметил Макс ворчливо, – желательно прихватив то, за чем мы сюда явились.

– Правильно, – решительно произнесла Аня, – а поэтому заткнулись и пошли!

Они вылезли в окно и отправились к Монсегиору. Ландшафт в призрачном зеленом свете прибора ночного видения выглядел странно. Казалось, это происходит не на Земле. Они шли настолько быстро, насколько это было возможно, не производя шума. Разумеется, в обычной обуви это едва ли было бы реально. Поэтому на ногах у них были спелеологические ботинки. Макс, как обычно, пошутил по этому поводу:

– Сегодня ночью мы как раз собираемся малость заняться спелеологией. Полевая практика, так сказать.

Это оказалось в точку – именно пещера была их целью. Точнее, грот Ломбрив. А еще точнее, то, что в нем находилось. Аня вспомнила инструкции, которые им давал Серж.

– Ле-Пог изрыт пещерами, как швейцарский сыр, – говорил он. – Это дар природы. Усилия людей добавили к этому потайные ходы. Часть из них служит для сообщения между различными частями замка, часть соединяет пещеры. А есть и такие, которые ведут за пределы Монсегиора.

Серж развернул большую и, как поняла Аня, очень подробную схему пещер и ходов.

– Ой, мамочки! – вырвалось у нее. – Кто же это все составил?

– В основном это «раскопал» Отто Ран, летом 1929 года, но об этом – потом.

– Здесь попробуй не запутаться! – заметил Макс, глядя на схему, напомиравшую сложный лабиринт. – Чтобы все это изучить, потребуются месяцы.

– Месяцев у нас нет, – сухо произнес Серж, – и вы это знаете.

– Да, мы знаем, – смутился Макс.

– Но, по счастью, – продолжил Серж, – изучать все вам незачем. Вам нужно, главным образом, запомнить свой маршрут, который я сейчас покажу и объясню, что и как. Его, так же как и по крайней мере два запасных, надо заучить наизусть, так как брать схему с собой, конечно, нельзя.

И Серж красным карандашом прочертил предстоящий им путь.

Сейчас они направлялись к начальной точке этого маршрута, пролежавшего через недра горы, к тщательно замаскированному входу в один из подземных коридоров. Говорить было нельзя, и они шли молча, старательно «слушая тишину». Однако ничто ее не нарушало. Замок приближался. Слава богу, как и предполагал Серж, здесь, похоже, рыцарей действительно нет.

– Я постарался проложить для вас наиболее безопасный маршрут, – объяснял Серж.

Они сидели за деревянным столом, который стоял перед укромно расположившимся в виду Монсегиора одноэтажным домиком, окруженным небольшим садом.

– С этого направления замок, насколько я понимаю, не штурмовался, – продолжил Серж, – поскольку склон Ле-Пога тут, как видите, совершенно отвесный, и к тому же почти совсем гладкий, и не за что даже веревку зацепить. Так что без специального снаряжения тут подняться наверх невозможно.

– Хорошо, что среди них не было альпинистов, – со смешком заметил Макс.

– Я так думаю, – улыбнулась Аня, – что тогда было как-то не до альпинизма. Забот – выше крыши, какие уж тут хобби!

– Как вы сказали? – сразу же заинтересовался Серж. – «Выше крыши»? Любопытно.

Вот и еще одна пословица в его копилку. То есть, наверное, поговорка. Черт их разберет.

– Вы правы, Аня, – продолжил он, – было не до хобби. Однако скалолазание было, а как же! Но, конечно, не по таким стенкам. К тому же рыцарский доспех весил до пятидесяти килограммов.

– Ничего себе! – поразился Макс.

– Да, представьте. Тут и в седле-то усидеть мало кто сможет. Многие, упав в таком доспехе с лошади, не в состоянии были самостоятельно подняться. А уж лазить...

– Но ведь лазили?

– Лазили, куда денешься...

– А спуститься тут можно? – спросил Макс.

– Замечательный вопрос! – ответил Серж. – То-то и оно, что можно. И есть сведения, что четверо катаров якобы это и сделали – незадолго до начала штурма спустились по стене именно здесь.

– Сбежали?

– Нет. Они спасали самое ценное, что у них было, то есть то самое, что мы ищем.

– И они его унесли?

Серж досадливо поморщился и побарабанил пальцами по столу.

– В том-то и дело, что точно это неизвестно, – ответил он. – Я ведь сказал: «Есть сведения». Но они ненадежны. Может оказаться, что все это легенда. Мы не можем на это полагаться. Однако это необходимо иметь в виду.

– В смысле?

– В грот Ломбрив надо проникнуть до того, как его оттуда могут забрать эти гипотетические сбежавшие из замка катары.

– Его – то есть Философский Камень, так?

– Да. Проникнув в пещеру, нужно проследить за тем, как Камень оттуда станут забирать, потому как искать его в гроте Ломбрив чересчур долго и хлопотно. У вас будет на это слишком мало времени. Если же его станут забирать, то, стало быть, извлекут из тайника. И тогда...

– И тогда его надо отнять, так? – спросил Макс.

– Да, – ответил Серж. – И имейте в виду, что сделать это будет нелегко. Конечно, это не рыцари, но это взрослые крепкие мужчины, и кто знает, сколько их там окажется: хорошо, если трое-четверо, а может быть, и больше.

– Но ведь их там должно быть много. Вы сами говорили, что в гроте Ломбрив укрылось чуть ли не пятьсот человек.

– Тайник наверняка находился не на виду, и о нем могли знать лишь считанные единицы, естественно, из числа «совершенных». Я полагаю, вероятнее всего, он был в этом помещении.

Серж указал на большой фотографии в своем ноутбуке закуток в гроте Ломбрив – что-то вроде комнаты.

– К тому же, – добавил он, – это, так сказать, на втором этаже, на верхнем ярусе грота. Так что там, скорее всего, могут оказаться не более чем несколько человек.

– Ясно, – кивнул Макс. – Но, как я понимаю, у них нет оружия? Катары ведь...

– Оружия нет, – согласился Серж. – Но они и без оружия с вами справятся. Именно поэтому у вас будут электрошокеры и пистолет с ампулами. Это не совсем оружие, конечно, но убивать никого вам и не следует, а отключить можно весьма эффективно, так как это новейшие модели, можете не сомневаться. Разумеется, вы пройдете инструктаж в обращении с ними и получите возможность попрактиковаться. Этой практики будет недостаточно, но запасом времени мы не располагаем.

– А если его не станут забирать? – спросила Аня.

Серж вздохнул и задумчиво покрутил в пальцах зажигалку.

– Если его не станут забирать и, значит, не достанут из тайника до штурма, тогда вам решать, – сказал он. – Или все-таки попробовать его отыскать и изъять и, значит, задержаться там, то есть чудовищно рисковать, или сразу возвращаться. Передадите условный сигнал, и мы вас заберем. Думаю, все должно сработать как надо.

Серж замолчал с мрачным видом.

– Тогда мы попробуем еще раз, – добавил он, – при следующей okazji.

– То есть в 1944-м?

– Да.

– Ну хорошо, – заметил Макс, глядя на отвесный склон Ле-Пога, – штурмовать здесь невозможно, хотя, по мне, это и в других местах точно так же невозможно. Мне Монсегюр кажется совершенно неприступным...

– Есть предположение, – прервал Серж, – я бы сказал, больше чем предположение, что крестоносцам открыли ворота.

– Кто?

– Не знаю. Но мне это представляется весьма вероятным: замок в самом деле практически неприступен. Его осаждали одиннадцать месяцев...

– Ого!

– ...и не решались штурмовать, а тут – пошли на штурм и быстро взяли. Это наводит на определенного рода соображения, не так ли?

– Наводит, – согласился Макс. – Но я вот чего не понимаю: почему катары не покинули замок, воспользовавшись тем подземным ходом, по которому мы должны пойти?

– По очень простой причине. Они были уверены, что Монсегюр обложен крестоносцами со всех сторон, и выйти из замка означает сразу попасть им в руки. А проверять, как нетрудно догадаться, никому не хотелось.

– Ну, это понятно... – заметил Макс.

– А на самом деле Монсегюр был обложен не по всей окружности, и в этом месте рыцарей не было, так?

– Он был обложен со всех сторон, как и положено: осада есть осада. Но перед штурмом рыцари, как мы считаем, перегруппировались и сосредоточились на главных направлениях. Там, где собирались штурмовать. Поэтому на данном участке их, по идее, быть не должно.

– То есть это ваше мнение?

– Мы так предполагаем, – кивнул Серж. – Поскольку штурмовать здесь невозможно, а о существовании этого хода рыцари, как мы думаем, не знали. Но это гипотеза.

– Нормально! – воскликнул Макс. – Гипотеза. Хорошенькое дело! А если они там есть, и мы на них напоремся?

– Вы можете напороться в любой момент, и не только на рыцарей. И вы это прекрасно понимаете, не так ли? Они вполне могли оставить там какой-нибудь заслон. Кто знает? Но мы все же, с большой долей вероятности, предполагаем, что там будет чисто.

Макс молчал.

– Конечно, это дикая авантюра, – продолжил Серж, – но у нас нет выбора. Впрочем, заставить вас совать голову тигру в пасть я не могу. Можете передумать.

– Я пойду, – твердо произнес Макс. – Просто вырвалось – эмоциональная реакция.

Аня остановила на Максе долгий взгляд.

– Хорошо. Будем надеяться, что наши предположения верны, – заключил Серж.

– Вы сказали: «мы предполагаем», «мы думаем», – вступила в разговор Аня. – «Мы» – это кто?

– Мы – это я и мои консультанты, – лаконично ответил Серж.

– У нас не будет связи? – спросил Макс.

– У вас будет связь – односторонняя, и только для того, чтобы передать сигнал. Большого мы не можем, точно так же как и снабдить вас дополнительными ампулами – чем больше масса, тем больше энергии требуется для переброски. Энергии на все это уйдет уйма. Ее может и так-то не хватить.

Серж щелкнул своей золотой безделушкой и какое-то время смотрел на язычок пламени, а затем слегка вздохнул и посмотрел прямо Ане в глаза.

– Мне очень жаль, но никаких гарантий относительно чего бы то ни было я дать не могу...

* * *

Замок приближался, и через несколько минут они вышли из леса на открытое пространство. Внезапно где-то справа мелькнул свет. Аня с Максом успели только заметить, что это был костер. Очевидно, он был предусмотрительно разложен в каком-то укрытии, и потому его можно было увидеть лишь с некоторых направлений. А возле костра мелькнули фигуры: рослые, в доспехах, но, кажется, без шлемов. Рыцари! А ведь Аня только что о них подумала... В сознании успело проскочить французское выражение: «Лишь волка помяни, как тут же увидишь его хвост». Вот черт!

– Кажется, их трое, – шепнул Макс.

– Да, трое, – ответила Аня. – И шептать уже ни к чему, нас заметили.

– Да, точно! Что делаем?

Аня почувствовала растерянность – на какую-то минуту, не больше. Но этого хватило для того, чтобы их местонахождение обнаружили.

– Вот блин, – раздосадованно произнес Макс, – они уже тут как тут!

В тот же момент рыцарей увидела и Аня: их было двое. Значит, третий остался у костра! Но тогда, может быть, есть шанс...

– Их двое! – сказала Аня.

– Вижу, не слепой...

Рыцари были в кольчугах, плотно облегающих тело, руки и ноги, поверх кольчуг были надеты зеленые хламиды. Кисти были защищены латными перчатками, но оба были без шлемов. Бедра были препоясаны ремнями с пустыми ножнами, так как мечи они держали в руках. Один из них светил фонарем, толстой свечой в кожухе. Это был так называемый потайной фонарь. Кожух с трех сторон закрывал огонь свечи, так чтобы не подсвечивать самого держащего, и бросал на удивление сильный сноп света в одном направлении.

– Наверное, за свечой стоит отражающая пластина, – тихо сказал Макс.

Второй рыцарь сжимал в правой руке длинное копьё с вымпелом. Щитов у них не было.

Мечи оба держали в левой руке. «Левши, что ли?» – удивилась Аня, не в силах отвести от мечей взгляд. Рыцари смотрели на них со странным выражением, на лицах их читалась смесь изумления, опаски, неприязни и агрессии.

– Мы выглядим дико, – произнес Макс, – поэтому они так смотрят...

– Макс, стреляй, пока не поздно!

– В которого?

– В правого! – со злостью проговорила Аня. Только бы Макс не стал еще спрашивать, почему! К счастью, они без шлемов. Остается надеяться, что он помнит инструкции Сержа.

– Не вздумайте вступать с рыцарями в разговор, – объяснял Серж, – во-первых, они говорят на старофранцузском с примесью старопровансальского, так что вы все равно ничего не поймете. Во-вторых, вы потеряете время, и это, скорее всего, окажется фатальным. И молитесь судьбу, чтобы их было не более трех. Тогда еще есть какая-то надежда. Впрочем, трое – это

многовато, это, пожалуй, безнадежно. Разве только чудо. Стреляйте в шею – это если вам повезет и они окажутся без шлемов.

– А если в шлемах? – спросила Аня. – Что тогда?

– Тогда уносите ноги. Если вы не потеряете времени, то, вполне вероятно, что вам это удастся.

Время, казалось, еле ползло, хотя на самом деле прошло, должно быть, несколько секунд. «Что он там возится? – стучало у Ани в мозгу. – Попадет ли в темноте?»

Рыцари разом, словно сговорившись, издали громкие возгласы и, подняв мечи, бросились вперед. В ту же секунду Аня услышала тихий свист, и один из рыцарей остановился, схватился рукой за шею и попытался вытащить иглу.

– Ничего себе! – воскликнула Аня. – Сколько же в нем силищи! Если ему это удастся, нам как!

Но препарат действовал быстро, и доза там была слоновая: рыцарь зашатался и повалился на землю, выронив фонарь, который упал открытой стороной вверх. Свеча в нем не потухла, и луч света бил теперь в небо.

Второй рыцарь, потеряв Аню и Макса из виду, на какой-то миг растерялся и тоже остановился, но быстро собрался, подбежал к товарищу и, мельком глянув на него, вложил свой меч в ножны и подобрал фонарь. Коротко поведя им, он, конечно, вновь обнаружил Аню и Макса. Тогда он метнул копье.

– Ложись! – крикнул Макс, и Аня бросилась на землю.

Длинное тяжелое копье просвистело буквально в нескольких сантиметрах над ней, то есть точно там, где была ее голова доли секунды тому назад. У нее душа ушла в пятки, она никак не ожидала, что можно метнуть здоровенное копье с такой силой.

Аня и Макс быстро вскочили на ноги. Рыцарь выхватил меч и, подняв его, громко закричал, должно быть, тому, кто оставался у костра, а возможно, и другим, которые могли находиться поблизости.

– Их тут может быть чертова туча! – произнес Макс.

– Стреляй! – крикнула Аня. Сердце у нее билось, казалось, у самого горла, тело затопило лихорадочное возбуждение.

Аня вновь услышала тихий свист, но на этот раз ампула врезалась в грудь и разбилась – значит, именно там, на груди под хламидой, была стальная пластина. Вот невезуха! Попал, да не туда!

– Линяем! – вырвалось у Ани. – Сейчас налево, к тропе, а дальше – к замку. Ноги в руки! – И они побежали.

А ведь все было так спокойно и уютно еще неделю тому назад...

Глава 2

Швейцарские каникулы

Пронзенный стрелой, лев лежал на боку, сложив свои некогда могучие, но теперь бес-
сильные лапы. Он умирал. Все его тело напряглось в пароксизме мучительной боли, а лицо
выдавало такие страдания, что сжималось сердце. Да, именно лицо, язык не поворачивался
назвать это мордой.

Теперь, когда Аня видела памятник собственными глазами, у нее уже не возникало
вопросов о том, почему Серж так настойчиво рекомендовал его посмотреть.

«Найдите возможность заехать в Люцерн, – говорил он. – Этот город вообще стоит того.
Но памятник швейцарским гвардейцам нужно посмотреть обязательно. Когда увидите, пой-
мете почему».

– Серж был прав, как всегда. Такое действительно надо видеть. Это изваяние настолько
трогало душу, что оторвать взгляд от него было нелегко.

– Да, – произнес Макс, глядя на скульптуру, – это сильно. Это ж надо суметь – такое
изваять. Такое ощущение, что он не из мрамора, а из мяса и костей.

– А это уже не мрамор, – не отрывая глаз от изваяния умирающего льва, задумчиво
проговорила Аня.

– То есть? – удивился Макс, посмотрев на нее. – Ты о чем?

– Это был мрамор, когда-то, – ответила она, – а теперь он стал одушевленным. Ты разве
не чувствуешь?

– А, вот ты про что... Это конечно. Ясно теперь, почему твой Серж советовал его посмот-
реть.

– Почему «мой»? – Аня почувствовала раздражение. Макс опять начинал ее грузить.

– Ну хорошо, хорошо, не твой, – пошел он на попятную. – Не твой, не мой. Ничей. Все,
оставили тему.

– Оставили, – с облегчением произнесла Аня.

Она не могла не заметить, что Макс изменился. Занудство не пропало, но как-то смяг-
чилось, что ли? Он явно старался избегать выяснений и всего такого.

– Я только хотел сказать, что они знали, к кому обратиться, эти швейцарцы, – добавил он.

– В смысле, кому заказать памятник?

– Ну да. Ты говорила, что это какая-то знаменитость, так?

– Да. – Аня кивнула. – Это Торвальдсен.

В действительности Серж назвал его «величайшим скульптором своего времени», и Аня
хотела было уже сослаться на него, но прикусила язык, чтобы не провоцировать Макса.

– Торвальдсен? – переспросил Макс. – Он что, швед?

– Нет, датчанин. Точнее, даже не датчанин, а исландец. По происхождению.

– Исландия – страна гейзеров, ледников, викингов и селедки, – хихикнул Макс.

– Почему селедки? – удивилась Аня.

– Ты что, никогда не ела исландскую сельдь? И не слыхала про нее?

– Ты знаешь, я не имею привычки читать этикетки. Мне как-то все равно, откуда что.
Селедка и селедка.

– Ну ты даешь! – Макс посмотрел на нее с иронией. – И это говорит человек, который
вот-вот станет специалистом по международной экономике!

Аня вспомнила, как оказалась в очень похожем положении в разговоре с Сержем: она
была не в курсе, что бренд «Бентли» принадлежит концерну «Фольксваген». И Серж тогда,
просветив ее на этот счет, тоже взглянул на нее иронически. Правда, взгляд Макса был другим:

хоть Макс и старался придать ему оттенок эдакого утонченного сарказма, все равно он оставался каким-то... бесхитростным. Взгляд Сержа был совсем иным – за ним читалось столько планов и подтекстов, там была такая глубина и такая усталость! Многовековая усталость... Аня поежилась, словно на нее повеяло холодом.

– Знаешь, – ответила она Макс, – профессия – это одно, а просто повседневная жизнь – это другое. И не надо это все смешивать в одну кучу. И что у мужиков за манера, учить жить? В конце концов, я не на работе, у меня каникулы.

Так оно и было. Долгожданные каникулы наконец-то наступили. Практика в «Дюмон интернэшнл инкорпорейшн», которую Аня недавно прошла в головном офисе в Женеве, была действительно интересной. «Дюмон» был по-настоящему инновативной компанией и находился на переднем крае современных технологий. Так что скучать не приходилось, работа была увлекательной. Но ее было много, и утомление, накапливаясь, все более давало о себе знать. Отдых был насущно необходим.

Провести каникулы они с Максом решили на этот раз в Швейцарии – Аня давно об этом мечтала. И вот, только она почувствовала, что начала отходить от работы и всей этой суеты вокруг нее, как Макс тут как тут со своими ценными замечаниями...

– Могу я расслабиться? – добавила она.

– Можешь, можешь! – поспешил заверить Макс. – Все, молчу. Побоку мировую экономику! Так что этот исландец, как его?

– Торвальдсен. Бертель Торвальдсен.

– Замечательно! И что он?

Раздражение Ани пошло на убыль. Она успокоилась и миролюбиво продолжила:

– Короче, его отец родился в Исландии и был резчиком по дереву.

– Наследственное, значит.

– Да, пожалуй. А Исландия тогда принадлежала датчанам. И его отец перебрался в Данию, в Копенгаген. И тогда стал Торвальдсеном.

– А до этого как же? Жил без фамилии, что ли?

– Вот именно – без фамилии.

– Не понял. Это как?

– А вот так. У исландцев, как правило, фамилий нет.

– А что вместо них?

– Вместо них – отчества.

– Забойно! – удивился Макс. – Это типа «Петрович», «Михалыч», что ли? «Сан Саныч»?

– Представь себе, да, – рассмеялась Аня – настроение опять поднялось. – В Исландии народу мало, они и так обходятся. Ну, скажем, если мужик, то «сон», то есть сын. Например, «Германссон» – значит сын Германа.

– «Германыч», – веселился Макс. Все-таки умеет он создать... как это сказать? Комфортность в общении.

– Именно, – ответила Аня. – А если женщина, то «доттир».

– Ну, это ясно – дочь.

– Да. И его отец тоже был Торвальдссон.

– То есть Торвальдом звали деда этого самого скульптора, так?

– Ну да, выходит, так. В общем, его отец сделал это фамилией, и так, чтобы это звучало по-датски: Торвальдсен. А сам Бертель Торвальдсен родился уже в Копенгагене. Учился там, но после учебы уехал в Рим. И прожил там сорок лет!

– Оба-на! Так он уже скорее итальянец. И что им всем так дался этот Рим? И вообще Италия? Медом там, что ли, намазано?

– О, любимое выражение Максика! – произнесла Аня не без едкости. – Медом нигде не намазано. Просто Италия, особенно Рим, – это античная классика, основа европейской куль-

туры. Плюс Возрождение. Увидеть все это своими глазами и прочувствовать считалось обязательным для художника или скульптора. Поэтому все, у кого была такая возможность, путешествовали по Италии. А многие и жили там подолгу, в том числе и русские.

– Это-то понятно. Климат там получше, чем в Вологодской губернии.

Аня вздохнула: «Ну что с ним сделаешь? Непременно все превратит в хохму с эдаким легким налетом цинизма. А может, он так защищается от агрессии? Я ведь на него малость наехала».

– Ну и климат тоже, – сказала она примирительно. – Что тут такого? Но не это главное. Торвальдсен, между прочим, считал день своего приезда в Рим своим настоящим днем рождения.

– Вот даже как. И что он ваял?

– Статуи, Макс. Статуи. Что еще может делать скульптор?

– Да? Очень интересно! – Макс сделал большие глаза.

– Он ваял, – заметила Аня, – а ты валяешь. Дурака.

– Вот такой я шут гороховый, паяц. То есть, виноват, паяццо. Паяццо живет в палаццо, – продолжал выдрючиваться Макс.

– Насчет паяца – это точно. Не без этого.

– И он, наверное, высекал богов и героев, да?

– Представь себе, да. И пользовался в свое время всеобщим признанием.

– Заказы так и сыпались со всех сторон...

– Сыпались. Но... Ты же знаешь, есть художники или писатели, которых высоко ценили при жизни, но охаяли после смерти. Так случилось с Торвальдсеном. Его упрекали в холодности и бездушности.

– Холодности?! Кого? Они что, мухоморов переели, что ли? Да они вот этот памятник видели?!

– Не знаю. Но что с них взять? Это же искусствоведы.

– Им закон не писан?

– Им не писан. Они сами считают себя законодателями вкуса.

Макс раздраженно хмыкнул.

– А бывает наоборот, – вздохнула Аня, – при жизни ни во что не ставили, зато после смерти подняли на пьедестал.

– Кому нужно такое признание? – перебил Макс.

В свое время Аня сама задала точно такой же, как ей казалось, чисто риторический вопрос Сержу. Серж, однако, не счел его риторическим. Он посмотрел на Аню со своей бесподобной иронией и ответил неожиданно:

– Вы даже не подозреваете, Анечка, насколько ваш вопрос, как это по-русски? А! В точку. Вы думали, что задаете риторический вопрос, а на самом деле вы задали вопрос по существу и абсолютно точно его сформулировали. Именно, кому это нужно?

– Что вы имеете в виду? – спросила она.

– То и имею: именно, что это кому-то нужно! Мне попалось как-то стихотворение вашего русского поэта Маяковского, в котором были такие слова: «Если звезды зажигают, значит, это кому-нибудь нужно». Очень сюда подходит! Так кому нужно зажигать «звезды», которые уже отгорели? Зажигать, а затем раздувать этот огонь до несусветных размеров? Как говорят на современном сленге, распиаривать?

– Так кому же?

– Не понимаете? Да тому, кто при жизни какого-нибудь бедолаги художника, прозябавшего в нищете, скупил его картины по дешевке или вообще заполучил ни за что. Ну, может, в обмен на обед или на кров в какой-нибудь вшивой мансарде. И этот бедняга художник был ему еще и признателен. Считал его своим благодетелем. А тот говорил ему что-нибудь вроде:

«Твои картины, конечно, никто, кроме меня, не купит. Они не пойдут. Их продать – дело безнадежное. Но мне они кажутся ничего себе так, я повешу одну или две... в прихожей... Нет, в столовой. Пожалуй, я возьму... м-м-м... вот эту. И еще... да, вон ту, красненькую. По-моему, она получилась неплохо. Что-то в ней такое есть». И нищий художник был готов ему руки целовать. «А эти возьму впридачу, ладно?» А когда бедняга умрет, тогда... Ну, Аня, право же! Вы же занимаетесь экономикой!

– Тогда он, пользуясь своими деловыми связями, устраивает покойнику промоушен, понимаю. Пиарит его. Цены на картины умершего художника взлетают до небес, а у него...

– Совершенно верно! Только нужно оговориться, что пиарит он творчество покойного не своими, так сказать, устами и пером.

– А нанимает других.

– Ну зачем так грубо! То есть, конечно, кого-то и просто нанимает, да. Но он использует и более тонкие методы: действует через известных специалистов, авторитетов, так называемых «искусствоведов». По-моему, называть себя этим словом – это слишком большая претензия. «В искусствоведческих кругах». Ох уж мне эти круги! Знаете, Аня, я в данный момент жалею, что слишком хорошо воспитан, для того чтобы точно охарактеризовать этих господ.

Выражение глаз Сержа, когда он говорил про «искусствоведов», надо было видеть! В нем смешались презрение, издевка, непередаваемый сарказм и откровенная неприязнь.

– А заодно, – продолжил он, – и через всяких знаменитостей. Их он, конечно, не нанимает – это слишком прямолинейно и может оскорбить этих амбициозных персон. С ними вообще работать тяжело – с их непомерно завышенным самомнением. Поэтому с ними нужно действовать аккуратно, тонко. В общем, морока, конечно. Но что тут сделаешь? Бизнес! Их нередко приходится покупать не напрямую и порой даже не непосредственно за деньги, а за некие услуги, содействие или рекламу. И в любом случае с ними надо все время цацкаться: не забывать потакать их болезненно раздутому самолюбию, восхищаться ими, демонстрировать знаки преклонения и тому подобное. И все это, помимо прочего, стоит денег. Но это окупается.

– Понимаю. Имя умершего художника оказывается на слуху. Все начинают о нем говорить. А сам этот человек вроде бы и ни при чем. Это как будто исходит не от него, так? Просто вдруг, совершенно случайно, он обнаруживает, что у него...

– Вот именно! Вы умница, Анечка. У него – ну надо же! – завалилось целое собрание картин не признанного при жизни гения.

– При жизни никто в нем гения не разглядел. А теперь все прозрели и видят это.

– Абсолютно верно! Так было, например, и с Модильяни, и с Ван Гогом. Все разом узрели, что гений! Чисто гений! И смотрите, какая прелесть: во-первых, чистому гению уже ничего не нужно платить, так как он мирно почил на кладбище. А во-вторых, этот же бизнесмен от искусства, помимо того что становится обладателем, мягко говоря, очень больших денег, еще и оказывается благодетелем человечества. Ну как же! Ведь он сохранил для нас бессмертные творения несчастного гения! Да еще и, чуть ли не единственный, поддерживал и подкармливал нищего гения при жизни. Из чистого альтруизма, разумеется. И его имя фигурирует в книгах и учебниках рядом с именем спасаемого им не признанного современниками, но великого художника. Никто не видел в его творениях ничего гениального, а он углядел! В общем, кругом профит!

...Аня глубоко вдохнула и отбросила со лба прядь непослушных волос. Ей стало грустно.

– Кому нужно такое признание, спрашиваешь? – произнесла она, глядя на Макса. – Значит, кому-то нужно. – Она отвернулась и добавила: – Пошли, Макс, посмотрим остальное.

Они вышли к Фирвальдштеттскому озеру, на берегах которого, у подножия горы Пилатус, удивительно живописно расположился Люцерн. Вид города, у воды, в окружении гор, был в самом деле очень красив. Редко в какой стране можно встретить столько великолепных ландшафтов, как в Швейцарии: сочетание глубокой синевы воды многочисленных озер, богатой

зелени лесов, лугов и виноградников, дикой черноты скал и ослепительной белизны ледников порождает несравненный по силе воздействия эффект.

– Ну и названьице у этого озера! Язык сломаешь. Фирвальдштеттер-Зее! – воскликнул Макс по-немецки. – «Озеро четырех лесов»? Или как это понимать?

– Это значит «озеро четырех лесных кантонов», – ответила Аня рассеянно, все еще не вынырнув из своих грустных размышлений. – Швейцария – это ведь федерация двадцати шести кантонов.

– А здесь их, значит, четыре?

– Да, здесь зародилась Швейцария еще в XIII веке. Три первоначальных кантона образовали в 1291 году «Вечный союз» для борьбы против Габсбургов, к которому потом присоединились остальные. И первым присоединился Люцерн: три плюс один – стало четыре. Отсюда и название.

– Ты просто ходячая энциклопедия, – заметил Макс, с улыбкой глядя на Аню. – Все-то ты знаешь, с тобой на экскурсоводах точно можно сэкономить.

– Вот видишь! Наше совместное предприятие может оказаться рентабельным.

– Непременно окажется! – заверил в ответ Макс, продолжая улыбаться.

Он обвел взглядом пейзаж.

– Значит, говоришь, в 1291 году? – произнес он.

– Да, 1 августа.

Макс расхохотался.

– В полпятого вечера, – с трудом проговорил он сквозь смех.

Аня рассмеялась тоже, и они какое-то время хохотали дуэтом, не в силах остановиться.

– А вообще, – спросил Макс, досмеиваясь, – откуда такая точность?

– А это не точно – это предание.

– Что – предание? Весь этот союз?

– Нет, союз не предание, просто дата легендарная. Надо же когда-то годовщину отмечать, правильно?

– И они отмечают ее 1 августа?

– Да, это национальный праздник.

– Из каких источников такая осведомленность? Из Интернета?

– В основном да – из Википедии. Я специально почитала перед поездкой. Ну и потом, я ведь три месяца прожила в Женеве.

– Понятно. А это что за диво такое? – спросил Макс, показывая на длинный крытый деревянный мост, змеящийся от одного берега озера до другого и в одном месте соприкасающийся с башней, возвышающейся из воды.

– А это и есть главные достопримечательности Люцерна, его символы – старинная водонапорная башня и мост Капелльбрюкке. Кстати, самый старый крытый деревянный мост не то в мире, не то в Европе, точно не помню.

– Ай-ай-ай! – Макс скорчил досадливую мину. – Какой вопиющий пробел в образовании! «Точно не помню» – безобразие! И в каком году его построили, конечно, тоже не помнишь. Что делается...

– Ты, наверное, будешь смеяться, но год я помню. Его очень легко запомнить: 1333-й.

– И сдали его в эксплуатацию 1 августа – в честь праздника, в четверг, в 15:00. Акт сдачи прилагается.

– Ага, – ответила Аня, подхватывая тон, – в четверг, сразу после дождика.

Оба разразились хохотом. Аня смеялась беззаботно, с легким сердцем, ощущая себя почему-то удивительно комфортно и непринужденно. Эти швейцарские каникулы определенно удалась!

В этот момент ожил Анин мобильный телефон. Аня досадливо поморщилась. «Кто же это может быть? – с раздражением подумала она. – Я ведь всех предупредила, чтобы нас с Максом не дергали без крайней необходимости. Неужели что-то случилось?»

Она выхватила аппарат из сумочки и взглянула на табло, на котором высветилось: «С. Дюмон». Вот как!

– Кто это? – спросил Макс, на лице которого было написано любопытство, смешанное с обеспокоенностью.

– Серж. За три года он звонит мне только во второй раз, – ответила Аня и нажала на кнопку соединения. – Алло. Здравствуйте, Серж, – проговорила она.

– Здравствуйте, Аня.

Хорошо знакомый бархатный баритон Сержа звучал на этот раз как-то глухо. В нем чувствовалось напряжение.

– Вы в данный момент чем-то заняты, или мы можем говорить прямо сейчас? – спросил он.

– Я ничем не занята, Серж. У меня ведь каникулы.

– Да-да, каникулы, – произнес он печально. – Я знаю. Не могу не сказать, что заслуженные каникулы. И я надеюсь, вы успели хотя бы немного отдохнуть, потому что хочу попросить вас прервать ваш отдых и заняться одним неотложным делом, с которым лучше всего можете справиться именно вы. Вы меня слушаете?

– Да, Серж. Я слушаю.

– Поверьте мне, Анечка, что это абсолютно необходимо, иначе я ни за что не стал бы вас дергать. И к тому же это срочно.

– Да, Серж, я поняла.

«Значит, каникулы закончились», – грустно подумала Аня, но тут же она почувствовала, как в ней загорается знакомое пьянящее предвкушение чего-то необычайного, из ряда вон выходящего. Уж кто-кто, а Серж по пустякам ее беспокоить не стал бы. Чудеса продолжаются?

– Помните, – добавил он, – как на презентации в Лувре я вам сказал, что теперь могу рассчитывать на вас в важных вопросах?

– Конечно, помню, Серж. Я готова, если нужно...

– Но – что? – спросил он, моментально уловив в ее тоне сомнение. – Вы не одна, так?

– Да.

– Вы с Максом?

– Да, и...

– Это очень хорошо! – перебил Серж. – Я на это и рассчитывал. Макса берите с собой, если, конечно, он не против.

– Я не против, – вставил Макс и, выразительно глядя на Аню, пояснил: – Ты включила громкую связь.

Надо же! А она и не заметила.

– Отлично! Здравствуйте, Макс. Рад с вами познакомиться. Значит, вы слышали весь разговор. Тем лучше.

– Здравствуйте, господин Дюмон.

– Хм... Вы где сейчас?

– В Люцерне, – ответил Макс. – На этом знаменитом мосту, ну, самом древнем в мире. Как там...

– Капелльбрюкке, – отозвался Серж, – понятно. Только он был самым древним деревянным мостом не в мире, а в Европе. Самый древний деревянный мост в мире находится в Японии.

– А почему «был»?

– Потому что тот, на котором вы стоите, – это реконструкция. Подлинный мост сгорел в 1993 году.

– Вот как! – Макс лыбился, глядя на Аню.

– Да, – продолжил Серж. – Но к делу. То, что вы в Швейцарии, это очень хорошо. Я прошу вас прибыть ко мне, срочно. Желательно сегодня же.

– К вам – это куда, Серж? – спросила Аня. Она уже перенастроилась на новые обстоятельства, отбросив сожаления о прерванных каникулах.

– Ко мне домой, в Невшатель, – ответил он. – И не трудитесь искать подходящий транспорт. Я пришлю за вами. Аня, вы как переносите вертолет?

– Опаньки! – прокомментировал Макс.

– Не знаю, Серж, – ответила она, – я ни разу не пробовала. Вы пришлете за нами вертолет?

– Да, на таком расстоянии это оптимальный вариант. Будем надеяться, вы перенесете полет нормально. На машине долго, а время дорого.

– Понятно, – вздохнула Аня.

– Итак, вы на мосту: ближе к какой стороне?

– К той, где Центр конгрессов.

– Отлично! Так, сейчас... 13:25. Ровно через десять минут к этому концу моста подъедет микроавтобус с логотипом «Дюмон». Он отвезет вас в ваш отель, а оттуда – на вертолетную площадку. Вы все поняли?

– Да, Серж. Все понятно.

– Хорошо. Я жду вас.

Он отключился.

– Ну что, Макс? – сказала Аня. – Осталось десять минут каникул. Чем займемся?

– Будем целоваться, – ответил Макс. – На фоне Альп. Потом, старичками, будем вспоминать, шамкая губами: – А помни, как мы селовалис в Люсерне? На погорелом мосту?

– Нахал! Кто это будет шамкать?

– Ладно, никто.

– Правильно! Никто не бу...

Глава 3

Камень особой породы

Мартовской ночью 1244 года Аня и Макс бежали по лугу, простиравшемуся до самой горы Ле-Пог, на которой стоял замок Монсегюр.

Они не останавливались ни на секунду, стараясь как можно скорее удалиться от того места, где наткнулись на рыцарей. Слава богу, они были довольно спортивными: Макс в свое время занимался плаванием, Аня же была любительницей бегать по утрам. Кроме того, в течение той недели, которую провели у Сержа в Невшателе, а затем – в Южной Франции, они имели возможность потренироваться. Поэтому оба были в неплохой форме.

Они успели пробежать, судя по всему, довольно приличное расстояние, и им уже казалось, что они благополучно «оторвались» от рыцарей, когда случилось то, что... То, что, собственно, и должно было случиться. За спиной явственно послышался топот, выбивающий мерную, отчетливую дробь. Лошадь, скачущая рысью! Нет, не лошадь, а лошади – дробные ритмы накладывались один на другой. Боже, сколько их?

– Макс! – на бегу, стараясь не сбить дыхание, окликнула Аня напарника. – Они верхом!

– Они должны были это сделать. Ежу понятно.

– Их двое?

– Больше... Думаю, трое!

Макс резко остановился, Аня остановилась тоже.

– Точно трое, – сказал он, повернувшись.

Рыцарей было видно почему-то очень отчетливо.

– Черт, – произнес Макс сквозь зубы. – Луна, чтоб ей...

Погода в этих краях менялась очень быстро. Только недавно прошла гроза, и небо было сплошь затянуто тучами, как вот уже появились просветы, в один из которых вышла луна. Это был узкий серп, но и он освещал ландшафт достаточно для того, чтобы рыцари могли видеть Аню с Максом.

– Луна, – пробормотала Аня в шоке, – но как же... Ведь новолуние!

– Значит, не новолуние...

– Выходит, мы не попали...

– Мы попали, – мрачно перебил Макс. – Еще как попали!

Трое рыцарей были в «горшковых» шлемах с узенькими щелями для глаз, а потому – неуязвимы для пистолета Макса. Сверх того, приделанная к нему кольчужная бахрама прикрывала и шею. Щиты у рыцарей были приторочены к седлу.

– Вот сволочи! – пробормотал Макс.

– Почему ты остановился?

– Не понимаешь? Бежать нет смысла – от конных нам не уйти.

– И что? Они через минуту изрубят нас в капусту!

– Я буду стрелять.

– Но они все в шлемах!

– В лошадей. Они без шлемов.

Макс дает! Аня нервно захихикала.

– Беги! – коротко бросил Макс Ане.

– А ты?

– Я скоро за тобой. Давай!

– Я подожду тебя.

– Беги!!!

Аня побежала, но через несколько секунд, услышав громкое лошадиное ржание, остановилась и повернулась.

Одна из лошадей встала на дыбы, после чего ее передние ноги подогнулись, и она начала заваливаться на правый бок. Она еще раз слабо заржала и дернулась всем корпусом. Рыцарь не смог удержаться в седле и упал в траву, вслед за тем лошадь тяжело рухнула на упавшего, подмяв его под себя.

– Ура! – воскликнула Аня. – Макс, это был блеск!

– Подожди радоваться!

Один из оставшихся двух рыцарей осадил коня и спрыгнул на землю, после чего подошел к придавленному лошадью товарищу посмотреть, чем ему можно помочь, и наклонился над ним.

Третий рыцарь приостановился, чтобы перебраться несколькими фразами с тем, что помогал товарищу, а затем пустил своего коня в галоп на Аню и Макса.

– Вот же упрямый сукин сын... – процедил Макс. – Ничего-то он не боится.

– Макс! Стреляй скорей!

– Скорей не надо, не блох ловим. Надо подпустить поближе – ампулы мы зря транжирить не можем.

– Угу, – кивнула Аня и замерла.

Рыцарь скакал прямо на них – Ане казалось, что уже слышит хрип лошади, когда всадник левой рукой стремительно – одним движением выхватил из ножен меч...

– Макс!!! – отчаянно закричала Аня. – Нам конец!

Она присела в траву и, сжавшись в смертельном ужасе, замерла. Макс опустил на одно колено и поднял пистолет. Аня, застыв в непередаваемом страхе, смотрела, как конь – зеленый, как и все, что видишь в инфракрасных очках, и от этого еще более страшный – надвигается на них неестественно плавно, как в замедленной съемке. Время словно затормозилось и распалось на отдельные кадры: вот копыто коня ударяет по земле, вот рыцарь взмахивает мечом, который сейчас опустится, рассекая воздух, а затем ее голову. Мамочка!

– Ну собака! – пробормотал Макс, целясь, и тут же указательный палец нажал на спусковой крючок два раза подряд.

Две ампулы с иглами почти одновременно вонзились в грудь лошади. Убийственная доза и без того сильнодействующего препарата, в считанные секунды достигшая мозга несчастного животного, резко отключила его. Лошадь, успев лишь издать слабый горловой звук, разом остановилась, все ее четыре ноги почти одновременно стали подгибаться, и она начала валиться на землю.

По инерции ее, падающую на бок, понесло дальше и поволокло по траве, одновременно вращая и заноса в головокружительном пируэте. Аню пронзил запредельный ужас – лошадь несло прямо на нее. Не в силах сделать ни одного движения, она дико завизжала.

– Ложись! – заорал Макс.

Отбросив пистолет, он кинулся на Аню и, повалив ее на землю, в следующую секунду откатился вместе с ней на пару метров в сторону.

Рыцаря вышибло из седла, и он, по-прежнему сжимая в руке меч, полетел по дуге прямо вперед. Лежа на холодной земле под Максом, который накрыл ее собой, Аня видела, как в каких-нибудь двух десятках сантиметров от нее по мокрой после ночной грозы траве проскользили лошадиные копыта, а затем, перекувырнувшись в воздухе и едва не задев Аню с Максом гребнем на шлеме, через них перелетел рыцарь, приземлившись с жутким металлическим скрежетом, и... стало тихо.

Аня лежала на спине, закрыв глаза, ни о чем не думая – мысли словно выдуло из головы – и ощущая, как мышцы постепенно расслабляются после спазма, а ноги и руки начинают слегка

дрожать, и по ним растекается тепло. В то же время спину пробирал все усиливающийся холод от стылой земли, тогда как сверху ее грело тепло от тела Макса, который...

Он уже не лежал на ней. Аня открыла глаза, резко приподнялась на локтях и огляделась. Макс рыскал в густой траве, словно искал что-то. Рыцарь лежал совсем рядом, почти впритык, головой к ней, и почему-то был без шлема. Аня ойкнула и в страхе отпрянула. Но рыцарь не пошевелился.

– Макс! – позвала она.

– Тихо! – шикнул тот.

Аня замолчала и почувствовала, что ей трудно говорить: мышцы еще не отпустило. Очевидно, она непроизвольно сжала челюсти с такой силой, что чуть не повредила зубы. А ногти впились в ладони так глубоко, что, потрогав их, Аня нащупала четыре лунки с выступившими и них капельками крови. «Да, любопытная Варвара, – подумала она, – на этот раз в самом деле чуть голову не оторвали. Наадреналинилась по самое некуда. Экстремалка».

– Есть! – приглушенно воскликнул Макс.

– Что есть, Макс? – полушепотом спросила Аня.

– Пистолет, – ответил он. – Хорошо, что я не отбросил его далеко.

– Слава богу.

– Все, пикник закончен. Побежали!

– Почему... – начала Аня.

– Остался еще третий. Понеслись! Давай левее, в те заросли.

– А, я помню! Там должен быть ручей.

– Отставить разговоры! Вперед, в заросли. Там отдышимся и сориентируемся.

Они вновь пустились бегом по направлению к густым зарослям кустарника в долине ручья, находившимся примерно на полпути к горе Ле-Пог. Впрочем, выбирать по-любому не приходилось – спрятаться все равно больше было негде, а гора с венчающим ее Монсегиором высилась, как казалось, почти что рядом. От зарослей до Ле-Пога бежать уже всего ничего, а там, в гроте, можно будет укрыться.

И заняться наконец, тем, для чего они здесь.

Аня очень скоро поняла, что Серж не зря спросил ее о том, как она переносит вертолет. Это был явно не праздный вопрос! Она не представляла себе, насколько полет на этой «стрекозе», в почти буквальном смысле, выворачивает наизнанку. Не раз ей казалось, что ну вот сейчас уже точно желудок вылетит через рот вместе со своим содержимым.

Макс, глядя на нее, поначалу посмеивался и, как водится, отпускал шуточки в ее адрес. Но потом посерьезнел, и в глазах его появилось выражение озабоченности.

– Ты зеленого цвета, – сказал он с тревогой.

Аня попыталась улыбнуться.

– Какого оттенка?

Макс рассмеялся. Совершенно неожиданно расхохотался и пилот.

– Вы понимаете по-русски? – несколько удивленно спросила Аня.

– И даже говорю по-русски, – ответил тот приветливо. – У русских вообще есть такая особенность – они все довольно-таки сносно говорят по-русски.

Макс улыбнулся в ответ и сразу почувствовал себя раскованней. Аня же слегка растянула губы. Еехватило только на это.

– Я не знала, что у месье Дюмона есть русские сотрудники, – сказала она.

– У месье Дюмона есть все, – жизнерадостно отозвался вертолетчик. – Если вам станут говорить, что у него чего-то нет, не верьте! Честно скажу: если окажется, что у него в каком-нибудь филиале или исследовательском институте работают инопланетяне, я не удивлюсь.

Макс хмыкнул. Аня же только слегка вздохнула.

– Очень даже может, – сказала она, согласно кивнув. – Очень даже может быть и такое.

Пилот откашлялся. Макс же вопросительно посмотрел на нее. Их взгляды встретились, и Аня отвела свой. Внизу виднелось очередное озеро. Уж озер в Швейцарии пруд пруди. Аня отметила про себя, что дурацкий получился каламбур. Правда, то, над которым они пролетали сейчас, было большим, по-настоящему большим, и у него был какой-то особенно насыщенный лазурный цвет.

– Могу вас обрадовать, – заявил летчик. – Мы подлетаем к Невшателю.

«Слава богу», – хотела сказать Аня, но ее неумное любопытство взяло верх, и она спросила:

– А что это за озеро под нами?

– И озеро тоже Невшатальское, – ответил пилот.

И тут она увидела на противоположном берегу удивительно симпатичный желтый город, примостившийся между озером и горами и расположившийся уступами в несколько уровней. «Значит, вот он какой, Невшатель, – подумала она, – город, в котором живет Серж».

Приземление оказалось еще тяжелее, чем сам полет. Машина сначала стала снижаться, и тут же под ее шасси замелькали дома и деревья, но взгляд Ани притянул к себе замок, возвышавшийся над городом. Она поняла, что это, строго говоря, и есть тот самый Невшатель, то есть, собственно, «Новый Замок», который и дал городу его название.

А затем, неожиданно, под ними оказалась утопающая в зелени группа красивых строений в историческом стиле, и почти сразу же вертолет завис над аккуратно подстриженной сочно-зеленой лужайкой. Вслед за этим машина пошла вниз – и вот тут-то Аня поняла, что все предшествующее было не более чем прелюдией. Желудок оказался где-то в районе горла, она почувствовала тошноту и головокружение. Она уже не стала спрашивать, какого цвета ее лицо, боясь услышать ответ. Тем более что и Макс, судя по всему, сейчас явно не испытывал кайфа. Он сидел с сосредоточенным видом, очевидно стараясь подавить тошноту, вызываемую болтанкой, хотя оба они, следуя распоряжению пилота, разумеется, тщательно пристегнулись ремнями.

Выбираясь, с помощью Макса, из вертолета на ватных ногах, Аня все-таки поблагодарила летчика, услышав в ответ по-французски:

– Ничего, мадам. К этому привыкаешь.

Первое, что она увидела, ступив на землю, был Серж: в белой рубашке поло и таких же белых брюках и туфлях. С этим белоснежным одеянием резко контрастировали темные очки. Увидев Аню, Серж снял их и бросил на нее столь хорошо знакомый ей короткий, но цепкий взгляд.

Затем, подойдя к ней, неуловимо элегантно взял ее руку и коротко приложился к пальцам сухими губами. После чего энергично пожал руку Максиму.

– Мне жаль, Аня, что вам так тяжело пришлось в вертолете, – сказал он. – Но, боюсь, то, что я попрошу вас сделать, может оказаться куда тяжелее. – Он устало посмотрел ей в глаза и добавил: – Спасибо, Аня, что прилетели, мне очень нужно ваше содействие.

– Я что-то не понимаю, – сказал Макс растерянно. – Вы что, хотите сказать, что можете отправить нас в этот самый 1244 год?

Серж, до этого ходивший по кабинету, уселся в кресло прямо напротив него.

– Я всегда говорю именно то, что хочу сказать, Макс, – ответил он. – И я не имею обыкновения делать пустопорожние заявления.

– Понимаю, господин Дюмон, – пробормотал Макс, – но это как-то...

– Немного слишком, так?

– Да. – Макс кивнул.

– В самом деле, Серж, – вмешалась Аня, – я, конечно, знаю, что «Дюмон» – инновативная компания и разрабатывает новейшие технологии, но чтобы настолько...

– Это не наша разработка, – произнес Серж и выразительно посмотрел на нее. – И «Дюмон» тут совершенно ни при чем.

– А... – произнесла Аня, – вот как.

– Именно так.

«Что он имеет в виду?» – задумалась она. Ей сразу вспомнился разговор с вертолетчиком.

– Давайте не будем обсуждать этот вопрос, – сказал Серж. – У нас есть сейчас более насущные проблемы. К сожалению, ситуация для нас неблагоприятна – мы упустили время. Но у меня возникла идея: воспользоваться вышеупомянутой возможностью, с тем чтобы упредить противника! Отправить надежных людей туда – в 1244 год, в Монсегюр, с целью найти там Камень, изъять его и доставить к нам – сюда, в Невшатель, в 2014 год. И я хочу попросить вас это сделать.

– Надежные люди – это мы? – спросила Аня.

– Да. Повторяю – это просьба, и вы имеете полную возможность отказаться. И вообще, я иду на это все с тяжелым сердцем. Но, поверьте мне, это совершенно необходимо. Нельзя позволить им завладеть Камнем ни в коем случае – если такое случится, это приведет к очень тяжелым последствиям.

– Им – это «Содружеству Единомышленников». СЕ – так? – уточнила Аня.

– Да. И кое-кому еще.

– Даже так?

– Даже так. Я подчеркиваю, ставки высоки. Очень высоки. И я рассчитываю на вас.

Серж замолк, глядя остановившимся взглядом словно бы в никуда. На несколько минут повисла тягостная пауза, которую он сам же и прервал.

– Если мы их не опередим и позволим им захватить Камень, у нас будут большие проблемы.

– «У нас» – это значит и у вас лично? – спросила Аня.

– Да. И именно поэтому ко мне обратились... определенные круги как к лицу заинтересованному. Мне передали информацию о планах СЕ и их союзников через две недели направив в Монсегюр спецгруппу для захвата Камня, так как именно в текущем 2014 году он должен предстать в видимом облики.

– В этом году? Почему?

– Потому что такое происходит через определенные промежутки времени. Камень появляется каждые семьдесят лет – в состоянии неполной проявленности, то есть, как теперь говорят, в частично виртуальном состоянии, а в совершенно реальном виде – каждые семьсот лет. Тогда он предстает в состоянии полной материальности, а следовательно, для овладения им представляется наилучшая возможность. И именно такое было в 1244 году, а затем – в 1944-м.

– Понятно! – воскликнул Макс. – А в этом году как раз семьдесят лет после 1944-го. Но Камень, значит, появится в неполном виде, так?

– Да, но этого будет достаточно для того, чтобы его захватить, если знать, как это сделать, конечно.

– И они – СЕ и компания – это знают, – уточнила Аня, – верно?

– Да. Противостоящие группировки определились. Во главе одной из них – СЕ, я возглавляю другую. Сейчас на кону стоит очень многое, едва ли не все. К тому же, как я уже сказал, мы в цейтноте, у наших врагов имеется большая фора. И только во времени – таким вот нетривиальным образом – мы можем их обыграть.

– Но погодите! – встrepенулась Аня. – А почему мы не можем овладеть Камнем сейчас, вернее, через две недели, когда он появится? Он появится?

– Непременно!

– Так почему тогда...

– Мы не можем его у них перехватить сейчас, они нас опередили. Закрыли на две недели Монсегюр для туристов и поставили своих людей. Это хорошо обученные командос. Не можем же мы вести бой. Хотя... В самом крайнем случае... Но этого нельзя допустить!

– «Закрыли», «поставили». Да кто ж они такие, чтоб распоряжаться здесь?! – возмутился Макс.

– Они оказали давление на французские власти.

– А вы, Серж?

– Я опоздал, упустил момент. Не ожидал такой прыти. Хотя должен был. К тому времени, как я начал давить на свои рычаги, было уже поздно. Как видите, и у меня бывают проколы. И это уже не первый.

– А эта спецгруппа, зачем она тогда?

– Это не какие-то спецназовцы, это – группа экспертов. Понимаете?

– Ясно.

– Вернемся к делу. У вас есть вопросы?

– Значит, – сказал Макс, – в 1244 году Камень находился у катаров, так?

– Камень явился некоторым из «совершенных» в Монсегюре, и катары после этого считали себя его хранителями. Но мало ли что они думали.

– А на самом деле?

– На самом деле он лишь периодически предстает миру в Монсегюре, так как Монсегюр – это и есть тот самый Монтсальват – Гора Спасения, о которой говорят источники.

– А где же Камень находится все остальное время? – растерянно спросил Макс.

– Этого не знает никто. Везде. И нигде. Но скоро – через две недели – он появится в Монсегюре, а точнее, под ним – в гроте Ломбрив.

– Постойте, – сообразила Аня, – если он основную часть времени находится неведомо где, то как же тогда им можно владеть?

– Увы, можно, – ответил Серж. – Для того чтобы использовать все возможности Камня, его не обязательно видеть или держать в руках. Нужно завладеть им в тот момент, когда он является в своей физической или хотя бы частично физической форме, и проделать с ним определенные манипуляции. И тогда он останется связанным с вами некоторое время. Достаточно, чтобы натворить дел.

– Что же никто не проделывал эти манипуляции прежде?

– Прежние претенденты не знали как.

– А эти, из СЕ, знают?

– Как это ни печально, да. Так случилось.

– Я все поняла, Серж, – сказала Аня. – Почти все. Я хочу еще только понять одну вещь.

– Почему именно вы, не так ли?

– Да.

Серж вздохнул и улыбнулся.

– Потому что Философский Камень не является людям недостойным. Но даже перед достойными он предстает в искаженном, иномирном облики. И только чистым душам он дается в руки. И то лишь на краткое время.

– Чистая душа – это я? – поразились Аня.

Серж кивнул:

– Да, Аня, это так. Я ведь вам уже говорил, что вы светлый человек. В вас нет зла.

– То есть мне Камень дастся, так?

– Да.

– Я – чистая? – пробормотала Аня. Она все еще не могла свыкнуться с этой мыслью. – Но ведь я авантюристка и, как вы сказали, экстремал. И вообще, я бываю такая противная. Вот Макс знает.

– Я тоже знаю, – рассмеялся Серж, и Макс подхватил его смех, и они хохотали вдвоем. Аня улыбнулась.

– И еще я любопытная Варвара – люблю везде совать свой нос, – добавила она.

– Любопытство не принадлежит к семи смертным грехам, – заметил на это Серж. – Никто не утверждает, что вы святая, – разумеется, нет. Но в вас действительно нет зла.

Аня в задумчивости подперла голову рукой и сидела так несколько минут.

– Я согласна отправиться, – наконец сказала она. – Раз для вас это жизненно важно. И потом, это приключение, а я ведь такие вещи люблю, вы же знаете. В конце концов, чего-то в этом роде я всегда хотела.

– Очень хорошо, Аня. Я вам признателен, – сказал Серж. – А Макс?

– А что Макс? Куда она, туда и я. Черта с два я ее отпущу одну.

– Отлично! Я рад, молодые люди. Главный вопрос мы, стало быть, решили.

– Скажите, Серж, – начала Аня, – этот Камень – это и есть Грааль?

– Не совсем, – отозвался он, – хотя и есть расхожее мнение, что якобы да. По поводу Грааля таких расхожих суждений профанов вообще немало. Но в действительности Камень, за которым сейчас идет охота, – это не Грааль, это – Философский Камень. Он же – пресловутый «камень, отринутый строителем, который лег во главу угла». Краеугольный камень.

– Но вы ведь как-то сами говорили, что Философский Камень – это вообще не камень, а жидкость. Эликсир.

– Да, я это говорил, Аня. Вы правы. Его называют эликсиром, или магистерием, алхимики; для них – это цель Великого Делания, субстанция, при помощи которой можно неблагородные металлы превращать в золото, – этот процесс называют трансмутацией. Да, Камень Философа может представать и в таком обликии. Ведь это – не обычный камень, а, как писал знаменитый немецкий миннезингер Вольфрам фон Эшенбах, «Камень особой породы».

– Вольфрам фон Эшенбах? – переспросила Аня. – Я слышала о нем. Миннезингер – это ведь поэт, да?

– Точнее, поэт-певец, так как в те времена поэзия и музыка не были разделены.

– «Те времена» – это Средние века? – уточнил Макс.

– Это тот самый XIII век, в котором вам предстоит действовать. Только, понятно, не в Германии, а в Южной Франции.

– А что он все-таки собой представляет, этот Философский Камень?

– Дать ему естественно-научное определение, как, скажем, рубину или топазу, невозможно – это не минерал. О нем разное сообщается.

– Например?

– Говорится, что его божественная природа сияет через простую оболочку.

– То есть, – догадалась Аня, – он выглядит невзрачно, как какой-нибудь придорожный булыжник, да?

– Он может предстать и в таком виде, – согласно кивнул Серж. – Это как алмаз: необработанный алмаз выглядит зачастую непривлекательно, без блеска. И чтобы выявить блеск, его необходимо огранить. А Камень Философа гранит душу, превращая ее в бриллиант. Именно в этой огранке души, то есть в ее совершенствовании посредством философско-алхимического искусства, состояло главное занятие розенкрейцеров – тайного ордена Розы и Креста. Считалось, что тот, кто обладает Камнем, тот обладает главным сокровищем мира.

– И что это? – поинтересовался Макс.

– Разум и Истина. И это есть богатство, обладатель коего бессмертен, ибо Разум не знает смерти. Философский Камень трактуют также как совершенную любовь, которая преобразует все косное и оживляет мертвое.

– Это следует понимать символически? – спросила Аня. – Не в буквальном смысле?

– Это следует понимать во всех смыслах: и в буквальном, и не в буквальном, и во многих других. Его сущность многослойна, поскольку каждый видит в Камне свое: то, что ему хочется видеть, и то, что он способен увидеть. И потому Камень может быть использован и во зло.

– Но вы же сказали, что он не дается в руки недостойным!

– Недостойные могут действовать через достойных, вводя последних в заблуждение или принудив их.

– То есть с его помощью можно творить зло? – удивился Макс.

– Да, можно, ибо Камень амбивалентен, как и все в этом мире.

– К тому же, – заметила Аня, – зло часто вырастает из добра, ведь так?

– Да, так. Надо сказать, что обладатель Камня получает огромное могущество, и оно может быть использовано во зло, причем, как я уже сказал, владельцу не обязательно видеть Камень и тем более брать его в руки. Но самое худшее заключается в том, что Философский Камень – это еще не Грааль.

– А что такое Грааль? Я читала, что Грааль – это чаша с кровью Христа.

– Да-да, – Серж кивнул, – есть и чаша, в которую Иосиф Аримафейский собрал кровь распятого Иисуса после того, как последнему проткнул грудь копьем римский сотник Лонгин. Или второй вариант: чаша с вином Последнего Причастия, то есть Тайной Вечери. Но на самом деле разницы между этими вариантами нет, так как вино причастия – это и есть кровь Иисуса. Но и это – не Грааль. Есть также мнение, – продолжил Серж, – что Грааль – это то самое копьё, которым Лонгин пронзил грудь Иисуса; его еще называют Копьем Лонгина, или Копьем Судьбы. Но и оно тоже – не Грааль.

– Так что же такое Грааль, в конце концов? – спросил Макс уже с некоторым раздражением.

– Вы нетерпеливы, Макс, – заметил Серж. – Постарайтесь обуздать себя и набраться терпения. Это будет для вас там совершенно необходимо.

Серж немного помолчал.

– Дело в том, – вновь заговорил он, – что Грааль – это все вместе, все три артефакта в совокупности: и Камень, и Чаша, и Копье Судьбы. И лишь будучи собраны все вместе, они становятся Граалем и обретают свое полное могущество. И потому тот, кто сосредоточит их все в своих руках, станет сверхмогущественным. А это, как вы понимаете, чревато тяжкими последствиями. И главное, – это исказит картину мира: его равновесие будет нарушено, а его устойчивость поколеблена.

– И что же, – спросила Аня, – никому за все время так и не удавалось собрать их все вместе?

– К счастью, пока что нет. И нельзя допустить, чтобы кому-то это удалось.

– А у наших противников это может получиться?

– К сожалению, да.

– А что, у них уже что-то есть? – поинтересовался Макс.

Серж прикрыл глаза и кивнул.

– Увы... – сказал он. – Я ведь говорил, что у них большая фора.

– А что у них – Чаша или Копье?

– К величайшему прискорбию, и то и другое. Теперь вы понимаете, насколько острая ситуация сложилась? Им осталось лишь завладеть Камнем, и тогда... Лучше об этом не думать. Это будет катастрофа.

...До зарослей они добежали довольно быстро. Но все равно, к тому моменту, когда они добрались туда, Аня была как выжатый лимон, так что просто рухнула на землю.

Макс, судя по всему, тоже был сильно утомлен. Это и неудивительно, наверняка эмоционально перегрелся. Но он был на высоте – это факт! От него исходила сила и надежность. Аня прижалась к нему, и они сидели так некоторое время.

Вдруг она почувствовала себя как-то странно. Ее будто обдало горячей волной, словно из духовки, а вслед за этим она ощутила головокружение. Сердце ни с того ни с сего бешено заколотилось, хотя вроде бы все было спокойно. Правда, это сердцебиение и легкая дурнота вскоре прошли. Осталось, однако, чувство, что происходит что-то необыкновенное, даже аномальное.

Внезапно Ане послышался какой-то странный шум. Как будто где-то неподалеку разговаривали на диком, немного гортанном, но не лишенном мелодичности языке.

– Макс! – шепотом произнесла она в страхе.

– Что случилось?

– Кто-то разговаривает совсем рядом, слышишь?

– Что за чушь! – ответил он. – Никто не разговаривает.

– Послушай! – Аня нетерпеливо дернула его за рукав.

С минуту Макс прислушивался, а затем тихо засмеялся.

– Почему ты смеешься?

– Это ручей, – ответил он. – Ручей журчит, только и всего.

Аня смутилась и засомневалась. Но, прислушавшись, поняла, что Макс прав. «Да, – подумала она, – мы действительно разучились слушать тишину».

– Ты прав, это ручей, – согласилась она и повернулась к нему. Он внимательно рассматривал меч, который держал в руках, поворачивая его так и эдак, пробуя пальцем клинок.

– У тебя меч! – удивилась Аня. – Ты забрал его у рыцаря?

– Не забрал, – откликнулся Макс, – а реквизировал по праву победителя, в качестве трофея.

– А рыцарь что?

– А рыцарь отрубился, когда хлопнулся о землю после сальто-мортале. Ну и я слегка огрел его по голове его же шлемом, чтобы отдохнул подольше. – Макс усмехнулся.

– Зачем он тебе? – спросила Аня, кивнув на меч.

– Пригодится.

– Ведь мешать будет – он же, наверное, тяжелый, как я не знаю что!

– Когда это и кому оружие помешало?

– Ладно, – решительно произнесла Аня, – не будем спорить. Надеюсь, ты возьмешь и пистолет? Меч-кладенец – это, конечно, круто, но пистолет все-таки может еще пригодиться. Не забывай, мы не должны никого убивать – так сказал Серж.

– Серж? Опять он, – произнес Макс недовольно. – Он сидит дома, у себя в Невшателе.

А мы...

– Что «мы»?

– А мы, похоже, влипли. Ему легко говорить. А тут такая обстановочка, что... И между прочим, он говорил и еще кое-что.

– Что же?

– Что если возникнет опасность для жизни, то можно и убивать. И правильно. В самом деле, не подыхать же! И так мы без огнестрельного оружия.

– Что «без огнестрельного оружия»? Беспомощны? Как видишь, нет.

Макс пробурчал что-то неразборчивое себе под нос и достал из кобуры ампульный пистолет.

– Ну, как бы так, – согласился он. – Эта «новейшая модель», – добавил он, глядя на пистолет и ласково поглаживая его, – спасла нам жизнь. Кажется, я с ним малость насобачился.

– Жаль только, что ампулы могут кончиться. Ну все, поговорили и хорош. Отдышались и побежали дальше.

– Зачем бежать? – возразил Макс. – От кого? Ты кого-нибудь видишь?

Аня осмотрелась. Действительно, кругом пусто, ни души. И как-то темно. Они все-таки видели окружающий ландшафт просто потому, что так и не подумали снять инфракрасные очки – и очень хорошо! А без них бы... Аня подняла глаза к небу – луны и след простыл. Что же происходит?!

– Макс! – начала она.

– Да, луна пропала, – перебил он. – Вижу. Но это же невозможно! Светопреставление? Чуть! Ничего же не происходит.

– Да, – согласилась Аня. – Все спокойно.

– «А на кладбище всё спокойненько...» – процитировал Макс.

Аня нервно захихикала.

– Знаешь, Макс, – сказала она. – Я чувствую себя как-то странно.

– Странно, что мы сидим тут и маемся дурью уже почти полчаса. Пора заняться делом. С луной разберутся без нас. Пошли.

Они проверили, все ли на месте, причем Макс препоясался мечом, который он, оказывается, предусмотрительно забрал у рыцаря вместе с ножнами и ремнем. Вслед за тем они уже не бегом, но быстрым шагом отправились к горе Ле-Пог и стоящему на ней замку Монсегюр.

Глава 4

Неземное пламя

Аня и Макс быстро шли к основанию горы, которая уже нависала над ними. Шагали широко, дыша в такт шагам и почти синхронно, как на тренировках, которые они проводили еще пару дней назад. Пару дней или семьсот семьдесят лет плюс пара дней? Нет, так можно свихнуться! Лучше сосредоточиться на задаче, которую предстоит выполнить. Но сконцентрироваться, как назло, не удавалось. Тут еще и эти невероятные фортеля луны. Что же это такое?

И куда девались рыцари, которые их преследовали? Они ведь все остались живы-здоровы, вероятно, за исключением того, которого подмяла лошадь. Так что, рыцари плюнули и отстали? Махнули на них рукой? Странно...

Расстояние на реальной местности – штука обманчивая, тем более до больших объектов, таких как гора, и тем более ночью. Ле-Пог оказался, на поверку, существенно дальше, чем Ане представлялось, и для того, чтобы до него добраться, потребовалось целых полчаса. А время шло в своем собственном темпе, безразличное ко всему и, как всегда, безжалостное. Аня с Максом потеряли уже немало драгоценных минут. Минут, которые складывались в часы.

«Только бы вход в „красный“ коридор удалось отыскать быстро!» – подумала Аня, когда они подошли наконец к горе вплотную. «Красным» они с Максом называли тот ход, который представлял собой первый отрезок их маршрута в недрах горы: на схеме, которую они заучили наизусть, Серж провел по нему красным карандашом. Два запасных маршрута были, соответственно, «синим» и «зеленым». Но они предназначались для подстраховки уже на обратном пути, в случае если бы «красный» оказался заблокирован.

Найти вход оказалось не так-то просто, он был хорошо скрыт. Они осматривали скалу уже четверть часа, как внезапно Аня увидела знак.

– Вот он! – не удержалась она от крика, когда вдруг на месте, по которому их взгляд проскользил уже раз десять, увидела то, что, казалось бы, должна была увидеть сразу.

– Вижу, не ори! – откликнулся Макс.

«Он» – это бледное, слабо заметное изображение на скальной поверхности, отдаленно напоминающее латинский крест с сильно вытянутой, длинной «ножкой» – примета, по которой следовало ориентироваться, чтобы обнаружить вход в подземный коридор.

– С таким крестом традиционно изображается Иоанн Креститель, – заметил Серж, когда они изучали свои маршруты позавчера... Или когда?

«Стоп! – сказала себе Аня. – Отставить глубокие размышления! Этим можно будет заняться потом, когда мы вернемся».

– Мы обязательно вернемся! – произнесла она тихо. – А пока что – без затей: позавчера, значит, позавчера.

Серж тогда на своем ноутбуке тотчас же показал репродукцию картины, на которой был изображен Иоанн Креститель именно с таким крестом. И надо же! Только она вспомнила эту картину, как сразу же увидела «крест», хотя бледная, размытая фигура – игра природы, образованная известняком слегка отличающихся оттенков и похожая на крест лишь весьма приблизительно, была в инфракрасных очках едва различима.

– Елки-палки! – раздраженно прокомментировал Макс, – по такой бледной примете попробуй отыщи. Как ты только умудрилась его заметить?

– Вот умудрилась, как видишь. А что бледная, так это только хорошо. Чем труднее отыскать, тем лучше.

– Да, – заметил Макс, – рыцари, пожалуй, могли об этом ходе не знать.

– Конечно, они не знали.

– Ладно, кажется, я уже вижу вход. Пошли.

Они не без труда протиснулись в узкое входное отверстие и оказались в тесном коридоре с низким сводчатым потолком. Продвигаться по нему нужно было с осторожностью, так как он местами делал резкие повороты, а видимость была весьма ограниченной, потому что инфракрасные очки давали тут довольно блеклую картинку. К тому же надо было отслеживать те места, где их ход пересекался с другими ходами, а таких мест, если верить заученной ими схеме, – два.

Особенно досаждала пыль, толстый слой которой покрывал пол. Ступать по ней приходилось аккуратно, так как каждый шаг поднимал ее тучами. Она оседала медленно и висела в воздухе, отчего в этом, и без того душном, тесном подземном пространстве было почти нечем дышать. Кроме того, она залепляла очки, и их приходилось довольно часто протирать. Все это, вместе взятое, конечно, сильно замедляло продвижение.

Но хуже всего было чувство потерянности, заброшенности, которое как-то исподволь просочилось в душу и порождало ощущение дикой, надрывной тоски, от которой сжималось сердце. Тут, в этой темной каменной кишке, упрятанной глубоко в недрах горы, было по-настоящему страшно, и сознание охватывала неотвязная, мучительная тревога. Эта пыльная труба, которой никто не ходил уже бог весть как долго, была связана с внешним миром лишь узким лазом, но и тот был теперь далеко, и почему-то не было никакой уверенности, что его удастся отыскать на обратном пути. Если он вообще будет – обратный путь... В мыслях царило настроение мрачной безнадежности. «Боже, что мы здесь делаем? – подумала Аня. – Как кроты, внутри горы, отрезанные не только от мира, но и от своего времени». Она почувствовала, что руки у нее опускаются, в ногах начинает ощущаться слабость, и предательский холод замораживает все в груди. Стены и так-то тесного коридора, казалось, сдвигаются, грозя, в конце концов, раздавить их, а и без того низкий потолок вроде бы становится еще ниже. И Макс почему-то молчит – и это при его-то разговорчивости. Что с ним? Его словно подменили. А что, если и правда под... Стоп!!! Аня попробовала взять чувства под контроль, но безуспешно. Ее охватила нарастающая волна паники.

– Хорошо хоть то, что благодаря очкам пыль не попадает в глаза, – внезапно произнес Макс. Голос его почему-то звучал странно – глухо и непривычно.

Аня еще раз попыталась взять себя в руки. Надо собрать мозги. Нужно переключиться на другое. Но сделать это не получалось.

– Вообще-то... – начал Макс, но Аня перебила его.

– Макс, – сказала она, – тебе не кажется, что проход становится уже?

– А потолок ниже, – договорил он, – так? Да, кажется. И это значит...

Он запнулся. Аня почувствовала, как страх сжимает горло.

– Что это значит? – спросила она, еле ворочая непослушным языком.

– Это значит, – ответил Макс, – что у нас начинается шиза.

– Шиза? – неуверенно переспросила Аня.

– Да. Два шизоида забрались хрен знает куда и потихоньку сползают с катушек.

Аня захихикала и поняла, что черный юмор Макса ей помог, стало чуть полегче.

– Знаешь, Макс... – начала она и осеклась: сама не узнавала свой голос. – Макс, что у нас с голосами?

– Голоса жуткие, это верно, – согласился он. – Замогильные.

– Но почему они такие?! – надрывно выкрикнула Аня: ее голос исполнил замысловатую руладу и под конец дал петуха.

– Акустика, понимаешь, – ответил Макс. – Акустика здесь специфическая. Не такая, как в Ла Скала.

Аня вновь рассмеялась, хотя ей было совсем не весело.

– Знаешь, Макс, – сказала она, – в детстве я воображала себе путешествие по таинственным подземельям совсем не так.

– Я себе представляю, – произнес Макс. – Где-то в винных погребах замка какого-нибудь графа или герцога: кругом потайные двери, ниши с прикованными скелетами, везде гербы, штабеля костей и бутылки с выдержанным вином, запечатанные сургучом. И голубоглазая красавица-блондинка со свечой.

– Это ты про кого?

– Ну, кто у нас тут голубоглазая блондинка? Я, что ли?

Макс сделал вдох, чтобы рассмеяться, но тут же закашлялся.

– Пылища, елки зеленые! – проговорил он, более-менее откашлявшись. – Проклятая действительность, чтоб ее! Что-то она мало похожа на мечты романтических девочек. Прекрасных принцев тут не видать. Зато всякого дерьма – навалом.

– Ах да, как же! – иронично заметила Аня. – Бутылок здесь не наблюдается – какое упущение! «Выдержанное вино»... Кому что.

– Допустим, так – и что тут такого? Что плохого в хорошем вине? Каком-нибудь «Амонтильядо»...

– Как-как? «Амонтильядо»? Никогда не слышала. Это что – итальянское?

– Наверное. Это из рассказа Эдгара По «Бочонок амонтильядо». Не читала?

– Нет. И о чем это?

– Там один мужик заводит другого в подземелье и замуровывает его в нем. Представляешь?

– Представляю, – ответила Аня, чувствуя, как ее охватывает подлинный, леденящий ужас. – Потому что именно это случилось с нами. Мы застряли, Макс.

Коридор, по которому они шли, через несколько метров упирался в тупик.

– Опаньки! – воскликнул Макс. – Вот он!

– Кто «он»? – с трудом спросила Аня.

– Подарок от Деда Мороза, блин, – процедил Макс сквозь зубы, – за примерное поведение.

Он приблизился к глухой стене, перекрывшей им путь, и внимательно осмотрел ее. Затем ощупал пальцами. Аня стояла неподвижно. Она словно окаменела и могла только смотреть, как Макс, пристально изучив глухую стенку, почесывает затылок.

Простояв так с минуту, он повернулся к спутнице.

– Стена совершенно однородная, – сообщил он, – это просто скала – сплошная скала. Никакой кладки тут нет. Никто тут ничего не замуровывал. Просто тупик, слепой мешок, вот и все.

Он вздохнул.

– Если бы это был старый добрый приключенческий роман, из тех, что я читал, – вновь заговорил он, – то мы бы сейчас закурили трубки и, хорошенько затянувшись, выдали бы что-нибудь вроде: «Разрази меня гром, полковник, но, по-моему, мы в ловушке». А в ответ: «Мне случалось бывать и в худшем дерьме, Джонс. Выход должен быть. И мы его найдем, не сойти мне с этого места! Хотите виски?» – «Охотно, полковник. Пожалуй, промочить горло не помешает».

Аня хотела было поддержать шутку, но не смогла сказать ни слова, закашлявшись едким, сухим кашлем. Сколько пыли они наглотались, кто знает? Ох, ну и денек сегодня – 16 марта 1244 года!

– Короче, надо действительно промочить горло, – хрипло проговорил Макс, доставая из рюкзака флягу с водой. – У меня такое предчувствие, что еще лет десять придется отплевываться от этой чертовой пыли. Ты выпей тоже!

– А?

– Я говорю: выпей воды. За неимением лучшего.

Аня дрожащими руками не без труда извлекла из своего рюкзака флягу и сделала глоток, чуть не поперхнувшись при этом.

– Эй, приди в себя! – окликнул ее Макс и, подойдя к ней, постучал ее по спине. – Никакой катастрофы не произошло. Ну зашли в тупик, ну и что? Раз мы пришли сюда, то сможем и выйти. Надо только смотреть предельно внимательно. Я уверен, что мы просто свернули не туда – думаю, что на второй развилке. Пошли!

– Куда?

– Ты считаешь, что есть варианты? Я слушаю тебя.

– Извини, Макс, – ответила Аня, собравшись. – Просто сегодня что-то слишком всего много.

– Да, многовато.

– И я... Короче, я в рабочем состоянии. Все в порядке.

– Вышла из нокдауна до того, как рефери досчитал до десяти. О'кей!

– Хорош молоть языком, Макс, мы и так потеряли кучу времени. Пошли!

– О! Вот теперь я вижу, что все в порядке. Ну, пошли!

Они быстро добрались до развилки, но тут их ожидал неприятный сюрприз. Вопреки схеме, оказалось, что здесь пересекаются не два, а три хода. Который избрать? Какой из них ведет в грот Ломбрив?

– Плохо. – Макс с досадой сплюнул. – Пардон, конечно, но получается, схеме нельзя доверять.

Аня хотела возразить, что Серж предупреждал о том, что в схеме могут быть неточности, но решила, что сейчас не стоит об этом упоминать.

– Давай попробуем методом исключения, – предложила она.

– А именно?

– Исключим для начала тот путь, по которому мы прошли. Надо найти наш «красный коридор». То есть вспомнить, как мы шли: прямо или где-то свернули, пусть даже чуть-чуть.

– Я понял! Так, вспоминаем.

Аня сосредоточилась. И тут ей пришел на память сеанс у женщины-психолога, которая так помогла ей в свое время, у Инны Шатц. Как они это тогда делали?

Она закрыла глаза и расслабилась, попробовав вызвать картинку и мысленно пройти, как говорила Инна, по «линии времени». И ей это удалось: она словно вновь шла с Максом по пыльному коридору...

... Вот они идут вдвоем по подземелью. И Макс трепетя, подтрунивая над ней.

– «...И голубоглазая красавица-блондинка со свечой, – говорит Макс.

– Это ты про кого?

– Ну, кто у нас тут голубоглазая блондинка? Я, что ли?

Тут Макс начинает смеяться, но его разбирает кашель.

– Пылица! Елки зеленые! – ругается он...» Стоп!

Вот оно – то место! Именно тогда – между репликами: «Это ты про кого?» и «Ну, кто у нас тут голубоглазая блондинка» – они не то чтобы свернули, а так, слегка отклонились от прямой. Да-да, они не заметили развилку и пошли другим коридором, вправо. Совсем чуточку – ну да, поначалу. Причем им казалось, что они все время шли и продолжают идти по прямой, в то время как на самом деле уходили вправо. А «красный» коридор – это Аня помнила точно – проходит в этом месте совершенно прямо.

Она открыла глаза и сориентировалась, окончательно утвердившись в своей правоте.

– Макс, – начала она, – я поняла.

После объяснений они сумели все-таки разобраться в путанице коридоров и выбрать нужный маршрут.

Потеряв минут сорок на путешествие в тупик и из тупика, они добрались наконец-то до грота Ломбрив. Аня его сразу узнала, потому что они с Максом уже побывали тут в первый раз, еще 13 марта 2014 года в сопровождении Сержа. Это было необходимо: ведь именно здесь им предстояло выполнить главную задачу – завладеть Философским Камнем, а следовательно, нужно было хорошо ориентироваться на месте.

Грот произвел тогда на обоих ошеломляющее впечатление: это было огромное помещение, которое гротом или пещерой и называть-то было как-то неуместно. Скорей уж это напоминало...

– Собор, – подсказал тогда Серж.

– Точно! – не могла не согласиться Аня. – Очень похоже. Трудно поверить, что это под землей, – такое громадное пространство! Как только в этой горе все помещается?

– Карстовые пещеры бывают очень большими, – ответил Серж, – там, где имеются крупные массивы известняка. А здесь ведь сплошной известняк. И кстати, должен вам сообщить, что именно так – «Собором» – этот грот называют местные жители. И не только потому, что произвольно возникает такая ассоциация, но, главным образом, потому, что именно в таком качестве это место использовали в свое время катары.

Под эти комментарии Сержа Аня и Макс принялись осматривать грот. Видно было, что здесь когда-то жили люди: местами встречались остатки жилищ, обгорелые поленья и тому подобные свидетельства присутствия человека.

Но особенно заинтересовали их изображения, кое-где нарисованные на стенах. Довольно часто попадались рисунки дерева, рыбы, а также лодки, парусом которой служило солнце. А кроме того, было много различных надписей латинскими и, как догадалась Аня, греческими буквами, которые совершенно невозможно понять.

– Скажите, Серж, – спросила она, – что все это значит?

– Вы имеете в виду эти пиктограммы и криптограммы на стенах? – конкретизировал он.

– Пиктограммы – это рисунки, – уточнила Аня, – а криптограммы – надписи, так?

– В общем, да. Только пиктограмма – это не просто рисунок, а некое слово, идея или понятие, представленное в виде рисунка. А то и целый текст, записанный таким «рисуночным» письмом.

– А криптограмма – это зашифрованная буквенная надпись, да?

– В принципе, да. Скажем, изображение дерева, которое тут можно видеть чаще всего, – это Мировое Древо, якобы растущее посреди рая. Мировое Древо – это широко распространенный мифопоэтический образ. Оно символизирует Мироздание: корни – подземный мир мертвых, крона – небеса богов и блаженных, а ствол – срединный мир, мир людей.

– Понятно. А что здесь делает рыба? – поинтересовался Макс. – Они что, были рыболовами?

– О нет, – рассмеялся Серж, – рыболовство тут ни при чем. Просто рыба у ранних христиан символизировала Иисуса Христа. Ну и у катаров тоже.

– Рыба? – удивилась Аня. – Но почему?

– Это пиктограмма, за которой скрывается криптограмма, – ответил Серж. – Дело в том, что «рыба» по-гречески – ΙΧΘΥΣ, латинскими буквами: ICHTHYS.

Говоря, Серж быстро набирал это на своем айфоне.

– Это произносится «ИХТИС» и расшифровывается так: «Иисус Христос Сын Божий Спаситель». По первым буквам греческих слов получается: ICHTHYS – «рыба». Вот отсюда и изображения рыб – у ранних христиан символом их религии была именно рыба, а отнюдь не крест.

– Почему?

– Крест – это орудие пытки. Поэтому, с их точки зрения, он никак не мог быть символом христианства. Ну а катары в этом, как и во многих других отношениях, следовали ранним христианам. Поэтому здесь, так же как и в римских катакомбах, вы крестов не найдете – только рыб.

От воспоминаний Аню отвлекло внезапно раздавшееся громкое хоровое пение, которое постепенно перешло в шепот. Оказалось, что грот был целиком заполнен людьми, и толпа примерно в пятьсот человек начала молиться одновременно. Мужчины и женщины, одетые в простые домотканые одежды, плотно стояли, прижавшись друг к другу, и время от времени воздевали руки к небу. Несмотря на то что мужчины были бородаты, они показались Ане молодыми. Впрочем, это не удивительно в эпоху, когда средняя продолжительность жизни составляла двадцать восемь лет.

Аня с Максом видели молящихся сверху, так как их «красный» коридор выходил на верхний ярус грота Ломбрив, своего рода балкон, откуда весь грот отлично просматривался. Но главное, именно здесь, на втором ярусе, находилось место, которое на заученной ими схеме было обозначено цифрой 3: это было что-то вроде помещения, отделенного от основного грота стеной из сросшихся сталактитов и сталагмитов. Место это достаточно укромное, и потому, как полагал Серж, оно являлось наиболее вероятным местонахождением тайника, где хранился «Камень особой породы» – цель их поисков.

– Итак, – прошептал Макс, – что делаем сейчас?

– Ты же знаешь, что надо ждать здесь, в «помещении 3», и наблюдать, – ответила Аня, тоже шепотом, но отчетливо артикулируя слова.

Им приходилось шептать, потому что акустика в Ломбриве была такова, что даже тихо произнесенные слова могли из-за резонирования оказаться слышны чуть ли не во всем гроте так, словно говорящий находится рядом.

– Знаю, – несколько раздраженно произнес Макс. – Только, по-моему, мы потеряли слишком много времени, пока добирались сюда, так что Камень могли уже сто раз унести. Если он вообще находился здесь, а не где-нибудь еще. А штурм может начаться вот-вот, уже должно светать. – Макс усмехнулся. – Если, конечно... – добавил он, – с солнцем не началась такая же свистопляска, как и с луной.

– Брось, Макс. Так недолго и свихнуться. Кончай валять дурака.

– А что? Я уже ничему не удивлюсь. Может, солнце теперь восходит на западе?

– Макс! – угрожающе процедила Аня.

– А что «Макс»? Я ничего. Я просто хочу сказать, что теперь возможны любые неожиданности.

И в этот момент ушей Ани и Макса достиг какой-то новый шум – вначале неясный, глухой, словно ворчанье воды, льющейся из крана, а затем лавинообразно нарастающий до оглушительного грохотанья. Это была адская смесь из громких отрывистых возгласов, издаваемых грубыми, лужеными глотками, неясного гомона испуганных голосов, исполненных ужаса женских криков, звона металла, стука, скрежета и черт знает чего еще.

– Рыцари! – воскликнула Аня. – Рыцари уже в гротах!

– Что за хрень! – в сердцах произнес Макс. – Как они сюда попали?! Они что, уже взяли замок? Когда они успели?! Они же, наверное, только начали штурмовать!

– Вспомни, что сказал Серж, – ответила Аня, – им, скорее всего, открыли ворота.

– Похоже что так, – согласился Макс. – Что будем делать? Линяем? В смысле вообще?

– Да, наверное, придется. До штурма мы ничего не успели, а оставаться здесь опасно. Так что? Даем сиг...

Макс закрыл Анин рот рукой и оттащил ее в небольшой закуток, отделенный окаменевшими известковыми натекками. И вовремя. В грот Ломбрив ворвались крестonosцы. Из убе-

жища Ане и Максу было отлично видно все, что делается внизу, и страшная картина предстала их взору.

Никогда Аня не думала, что людей, живых людей, которые не сопротивляются, можно вот так вот просто рубить. Она, конечно, неоднократно встречала выражения «устроили резню», «рубили шашками» и тому подобные, но даже вообразить не могла, насколько это все страшно и омерзительно в реальности. Она не хотела смотреть, но почему-то смотрела, не в силах отвести взгляд от зрелища, которое разворачивалось перед нею в жутких деталях.

Толпа молящихся дрогнула, метнулась вправо, влево, но выходы были перекрыты. Рыцари, держа мечи обеими руками, взмахивали ими, отсекая руки и головы тем, кто стоял в первом и втором ряду. Остальные присели от ужаса увиденного, и только шестеро «совершенных» гордо оставались стоять у алтаря с улыбкой на губах. Рыцари, убивая одного катара за другим, стоя уже почти по щиколотку в крови, наступая на отрубленные руки и головы, на рассеченные, изуродованные тела, продвигались все дальше и дальше. Разноцветные хламиды рыцарей покраснели от крови.

Вот рыцарь взмахнул мечом, и клинок пересек толстую шею мужчины. Шею словно перепилили дисковой пилой, и образовалась красная круговая полоса, но голова почему-то не слетела сразу же, а осталась на шее, только из красной полосы стекала кровь. Лишь чуть погодя голова, подобно спелому плоду, упала на пол и покатила прямо под ноги женщине, которая споткнулась об нее и, дико заверещав, упала в кровавую лужу, в которой плавали чьи-то кишки. Тут же другой рыцарь опустил меч на ее голову. Меч, двигаясь по отвесной траектории, рассек череп жертвы пополам, почти так же, как раскалывают спелый арбуз.

Один из рыцарей нанес удар, держа меч лишь одной рукой, но, несмотря на это, снес голову жертве – молодому парню – с ходу: голова сразу слетела с плеч, и из вскрывшихся шейных сосудов ударил вверх фонтан крови, которую вытолкнуло в них еще сжимающееся сердце. А вот... Не-е-е-ет!!! Аня зажмурилась.

Макс повернул ее спиной к тому, что делалось внизу, и она уперлась лицом ему в грудь. Ее колотила крупная дрожь, а затем ее начало мутить, и она почувствовала, как к горлу подступает тошнота.

– Ч-что же это т-такое? – прошептала она помертвевшими губами. – Макс, ч-что же это?

– Это люди, Анюша, – тихо ответил Макс. – Одни люди убивают других людей. Это их обычное занятие.

Они с минуту простояли молча.

– Уж это точно не «благая кончина», – договорил он.

Внезапно Макс с силой прижал Аню к себе.

– Тсс! – произнес он, и не зря: к ним приближались чьи-то торопливые шаги, и через несколько секунд в «помещение 3» кто-то вбежал.

Это оказалась молодая женщина с распущенными густыми черными волосами. Она была одета, как и все прочие катары, в простую белую одежду, но в ее движениях, в гордо выпрямленном стане, манере держать голову определенно проступал аристократизм.

Войдя, она быстро огляделась и метнулась к небольшой нише в стене. Прodelав там какие-то манипуляции, извлекла на свет ларец и, поставив его на выступ стены, открыла. Аня напряженно замерла, охваченная ожиданием чуда. Но то, что произошло дальше, потрясло ее до самых глубин души.

Из ларца в первый момент исходило просто неяркое свечение, озарившее лицо женщины, склонившейся над ним.

– Это он – Камень! – воскликнула Аня. – Хватаем его и уходим! – И они с Максом рванулись из своего укрытия.

В тот же миг Аня увидела вспышку яростного, неистового огня, хлынувшего из ларца. Пламя это было какого-то поразительного, неземного цвета: похожего на голубой, но не голубого, похожего на синий, но не синего, моментами казавшегося белым, но и не белого.

Почти одновременно с этим Аня почувствовала, что каменный пол под ней вибрирует, а еще через несколько секунд заходил ходуном, как при землетрясении. В полу образовалась расселина, которая стремительно зазмеилась через все помещение и прошла под правой ногой Ани – носок ее ботинка повис над бездной. Они с Максом кинулись назад, в самый угол закутка – больше некуда.

Пламя в ларце бушевало все безудержней, разгоралось все нестерпимей, пока не стало просто бешеным. Неожиданно оно словно сконцентрировалось и сжалось в пылающий шар, из которого вверх выстрелили два острых белых луча. Макс обнял Аню, пытаясь как-то защитить ее.

Стены затряслись и начали сдвигаться и раздвигаться, как гармошки, а в них образовались трещины, которые стали быстро расширяться; посыпались куски известняка и каменное крошево. Аня в ужасе стояла, уткнувшись в грудь Максиму. Мысли ее метались, сердце колотилось, как сумасшедшее.

Свечи, горевшие на выступе стены, погасли, раздавленные упавшим на них обломком сталактита, но исходящее от Камня сияние ярко освещало эту апокалиптическую сцену неистовым потусторонним светом.

Затем произошло невообразимое. Аня увидела ослепительную вспышку убийственного бело-голубого огня. Она закрыла глаза, но вспышка была видна даже через опущенные веки. А затем скала прямо под ларцом расщепилась, словно рассеченная какой-то немислимой секирой, и пламя ударило в эту бездну, будто провалившись в нее, вслед за чем скала над ним вновь сомкнулась. После этого весь грот начало резко вздымать и опускать, а затем качать, как лодку на крутой волне. С потолка дождем посыпались сталактиты. Наконец грот еще несколько раз основательно встряхнуло, и все затихло.

Аня потрясенно посмотрела на место, на котором только что находился ларец, а затем повернула голову к Максиму. Тот стоял ошеломленный – с застывшим взглядом и открытым ртом.

– Макс, ты видел? – прошептала Аня.

– Да, – сглотнув, выдавил он.

– Он исчез, – качая головой, сказала Аня. – Ушел. Понимаешь?

– Да. И нам надо уходить: мы опоздали. Нужно...

Договорить он не успел: на второй ярус ворвались рыцари. Их было четверо. Черноволосая женщина повернулась к ним и произнесла какие-то слова. Тогда один из рыцарей выступил вперед и, взмахнув мечом, рассек ей голову до самой шеи. Аня в неопишемом ужасе готова уже была заорать, но рука Макса вовремя накрыла ее губы.

Надо было возвращаться в XXI век, больше им здесь делать нечего. Камень они упустили, а рыцари рыскали теперь по всему гроту, выискивая укрывшихся катаров, и потому заглядывали буквально в каждую дыру. К тому же четверо рыцарей отрезали теперь Ане и Максиму путь к запасным коридорам.

– Давай сигнал, – шепнул Макс. – Пусть нас забирают.

Аня кивнула и оттянула левый рукав: черный браслет был на месте. Вздохнув, она нажала на кнопку, утопленную в корпусе, и стала ждать. Секунды шли, но ничего не происходило. Аня и Макс встревоженно переглянулись: Аня покачала головой, Макс тихо выругался.

– Нажми еще раз, – еле слышно, одними губами произнес он.

Аня вновь нажала на кнопку. Ничего не последовало. Должно быть, сигнал не прошел. Она испугалась: ведь без сигнала их не смогут отсюда забрать!

– Макс, – зашептала она в крайней тревоге, – сигнал не проходит, никакой реакции.

– Вижу, – шепнул он в ответ. – Мы попали. На этот раз попали по-крупному...

Глава 5

Близкие контакты

Ох и развеселый денек это 16 марта 1244 года! Стычки с рыцарями, фантазмагорические выходы луны, тупик, резня, землетрясение и... снова рыцари!

Почему не было реакции на сигнал? Почему?! Ане не давал покоя этот вопрос. «А что, если мы застрянем здесь, в XIII веке? – думала она. – Ведь нам тогда каюк, стопроцентно! Какое-то решение должно быть, просто обязано!»

Аня вспомнила, как Серж сказал: «Никаких гарантий относительно чего бы то ни было я дать не могу». Неужели он ничего не сделает для того, чтобы вытащить их отсюда?! Неужели он их списал и махнул рукой? Не может такого быть!!! Наверное, он просто не имеет сейчас возможности их отсюда забрать.

Может, сигнал не прошел, потому что его что-то экранирует? Или браслет почему-то вышел из строя?

– Эти сукины дети идут к нам, Анюша, – сказал Макс. – И спрятаться негде.

– Будешь стрелять?

Макс покачал головой.

– Нет, моя прелесть, – ответил он, – стрелять будешь ты.

С этими словами он передал Ане пистолет.

– Действуй, – добавил он.

– А ты?!

– А я попробую вот этой игрушкой. – И он вынул из ножен меч.

– Но ты не умеешь...

– Отставить разговоры! Целься и стреляй. Только, пожалуйста, не в меня.

Макс вышел из укрытия.

«Боже! Он сошел с ума! – Мысли Ани скакали. – С этой стальной болванкой, один против четверых! Он же не умеет... Или умеет? И потом, он надеется на меня».

Аня быстро достала пистолет и посмотрела на рыцарей: все они были в шлемах. «Ну все, хана. Хотя постой-постояй. Рыцари были в шлемах, но что, если попробовать попасть в руку, в районе плеча? Там кольчуга, но если? Кольчуга – это все-таки не пластина панциря».

Между тем Макс, выскочив из своего укрытия, кинулся к одному из рыцарей. Это было настолько неожиданно, да и, надо полагать, Макс, в своей куртке и в инфракрасных очках, выглядел настолько дико, что рыцарь не успел прикрыться щитом, и Макс изо всех сил въехал мечом по его шлему, так что тот зазвенел. Рыцарь покачнулся. Аня тем временем прицелилась в другого, но успела обратить внимание на то, что Макс был явно выше, чем рыцари, и, наверное, не слабей. Но ведь на нем нет доспехов, а их четверо!

Прежде чем Аня успела что-либо сделать, Макс толкнул оглушенного рыцаря острием меча в грудь – тот упал. Двое из оставшихся бросились на Макса, а третий направился к ней. Вторая его рука со щитом была опущена: совершенно ясно было, что он не считает наставленный на него предмет оружием. Тщательно прицелившись рыцарю в плечо, Аня выстрелила.

Ампула вонзилась в руку значительно ниже плеча, но, главное, вонзилась! Тонкая игла прошла между звеньями кольчуги и вошла в тело! Рыцарь попытался было, совсем как тот, самый первый, вырвать иглу, но транквилизатор был убойный, к тому же там была доза, которой можно отключить носорога. Рыцарь осел и, так и не выпустив меч, через несколько секунд мешком повалился на пол. «Как же они дорожат оружием», – мелькнула у Ани мысль.

Между тем Макс отскочил в сторону и, не оставляя меча, другой рукой достал электрошокер. Один против двоих, да плюс еще и оглушенный рыцарь, который мог подняться на ноги в любой момент!

Но шокер был действительно новейшей моделью. Макс направил его на одного из противников и дал ток: голубые молнии с треском прочертили свои зигзаги и ударили в щит. По оковке щита, затем – по цепи на его тыльной стороне, за которую рыцарь его держал рукой в стальной латной перчатке, и, наконец, по кольчуге, плотно облегавшей тело, ток прошел без помех; рыцаря сильно потрянуло разрядом, и он упал, даже не пикнув. Причем, к удивлению Ани, его при этом еще и, словно волной, отбросило назад. Запахло паленым. Второй рыцарь попятился от Макса, который двинулся на него, и снова нажал на спуск. Рыцарь успел только что-то крикнуть – глухо, под шлемом, как толстый жгут электрического тока, пробив воздух, свалил на землю и его. В этот момент начал подниматься оглушенный. Аня подскочила к нему и изо всех сил заехала ему по шлему спелеологическим ботинком на толстой подошве. Рыцарь вновь распластался на полу.

– Уходим, быстро! – бросил Макс и схватил Аню за руку.

– Макс! Ты был бесподобен! – успела сказать Аня, прежде чем бежать. Она просто не могла этого не сказать.

– Награда ждет героя потом, – отозвался он, – а сейчас – бегом марш!

Они перепрыгнули через одного из поверженных противников, а затем через неширокую расселину и, на ходу сориентировавшись, побежали.

«Зеленый» коридор отыскивали быстро. Слава богу, повезло. Главное – выбраться из этой чертовой горы, а там можно будет попробовать дать сигнал еще раз. Может, здесь, внутри, действительно что-то экранирует, а под открытым небом он пройдет?

Аня упрямо повторяла себе, что они с Максом вернутся, что Серж их заберет отсюда. Она не могла поверить, что Серж их бросил, – просто какие-то технические неполадки. Главное – поскорее выйти на свет, а уж тогда...

– Стоп! – сказал Макс и придержал Аню за плечи. – Эти сукины дети уже здесь! Тут нам не пройти.

Да, радость оказалась преждевременной: ход впереди был заблокирован рыцарями. Коридор делал в этом месте довольно резкий поворот, и поэтому крестonosцы и Аня с Максом пока не видели друг друга. Но зато были слышны голоса – гулкие, многократно отраженные от стен гротов и коридоров и порождающие прихотливое эхо.

– Вот же заядлые! – со злостью произнес Макс. – Холера их возьми! Во все дыры лезут. Мало им, что ли?

– Видимо, да, – ответила Аня. – Что будем делать?

Она полностью отдала командование Максy, он взял ответственность на себя и отлично справлялся. Аня чувствовала, что находится под его защитой и руководством. «Как за каменной стеной» – сейчас, здесь, в этой подземной ловушке, она впервые по-настоящему поняла, что значит это выражение. И от этого на сердце стало легко, несмотря на обстоятельства. Макс знает, что делать!

Они к этому моменту вышли на довольно просторную площадку – должно быть, карстовую пещеру – и стояли там. С площадки открывались два узких проема: позади – тот, из которого они только что вышли, и впереди – там, куда они направлялись.

И тут приближающийся шум голосов донесся до них и сзади.

– Макс! – Аня взяла его за локоть. – Мы в западне! Что делаем?

Едва она успела произнести эти слова, как сзади показались рыцари. Тех же, что были впереди «по курсу», еще не было видно. Макс, а вслед за ним и Аня, повернулись.

– Говоришь, им мало, – с тихой яростью произнес Макс. – Ну так мы им добавим. Стреляй!

Аня достала пистолет, который теперь был закреплен за ней, и быстро сориентировалась. Рыцарей было трое – они были без щитов. Двое из них держали факелы. Один из факельщиков сжимал в другой руке копьё. И у них ничего не было на головах!

– Почему они без шлемов? – произнесла Аня вслух.

– Духота, Анюша, – ответил Макс. – В шлемах тут не продохнешь. Давай, детка, сделай им инъекцию!

Между тем, завидев их, рыцари издали возгласы удивления, перебросились несколькими фразами, из которых ни Аня, ни Макс не поняли ничего, а вслед за этим подняли мечи. При этом один из них что-то крикнул, очевидно адресуясь к тем, которые были за поворотом коридора и оттуда ответили.

– Давай же! – крикнул Макс, и Аня выстрелила в одного из тех, которые держали горящие факелы. Как хорошо, что она на несколько минут все же задержалась перед входом в «зеленый» коридор, чтобы перезарядить пистолет ампулами! Увы, эти ампулы были последние.

Аня сама не поняла, как она, держа довольно тяжелый пистолет, умудрилась попасть – в стрессе, ослепленная факелом, который, естественно, создавал в инфракрасном диапазоне очень большую яркость. Однако же она попала – в самый краешек шеи, не защищенный кольчугой. Совсем чуть-чуть ниже – и ампула попала бы в кольчугу, и черт его знает, прошла бы ли игла между звеньями, как в прошлый раз, или же угодила в сталь!

Но, слава богу, номер удался. Рыцарь резко дернулся всем телом и упал, выронив факел. Сразу стало темнее. Как хорошо, что у них есть инфракрасные очки! Другой рыцарь бросился подбирать факел, и в этот момент третий рыцарь метнул копьё в Макса. У Ани душа замерла. Но, по счастью, в полутьме он швырнул снаряд чуть неточно: копьё прошло в считанных сантиметрах над головой Макса, который бросился на копьеметателя.

Тем временем рыцарь, подобранный факел, поднял его высоко над головой, но в этот момент Аня выстрелила – на этот раз уже более уверенно, – и он, с иглой в шее, повалился на пыльный пол. Послышался звон металла, и Аня увидела, как Макс рубится на мечах с последним из тройки.

Аня была поражена: где Макс мог научиться обращению с мечом?! Он об этом ни разу не упоминал. Впрочем, видно было, что противник умеет это гораздо лучше. Положение Макса становилось угрожающим – рыцарь наступал на него. Макс отошел к стене и уперся в нее спиной. Он отбивался с трудом, явно из последних сил. Увы, он не мог воспользоваться электрошокером, потому что рыцарь не давал ему ни секунды передышки. И в этот момент из-за поворота коридора появилась группа рыцарей с факелами – человек десять, если не больше!

«Вот и все, – подумала Аня, – финита ля комедия... Какой страшной будет смерть!»

И тут ее осенило: она подобрала оба горящих факела, валявшихся на полу. К счастью, рыцари пока не успели выйти на площадку и были еще в коридоре, а тот был очень узким, и рыцари вынуждены были идти гуськом – по двое. Таким образом, два первых рыцаря занимали собой весь проход. Размахнувшись, Аня швырнула в них факел. Сжатые с обеих сторон стенами прохода, а со спины подпираемые теми, что шли за ними, да к тому же застигнутые врасплох, рыцари не сумели ни прикрыться, ни уклониться от факела, который попал в одного из них. Несомненно, факелы были чем-то пропитаны, так как хламида на рыцаре мгновенно загорелась, и он сам быстро превратился в пылающий факел, причем огонь почти сразу же перекинулся на соседа. И тогда Аня кинула второй факел. Тут уж рыцарям, по крайней мере, на ближайшее время, стало явно не до Ани – в плотно облегающей тело кольчуге, которая моментально прокалилась от огня, рыцари должны были попросту изжариться, как мясо на решетке.

Аня обернулась: Макс отбивался из последних сил. Аня достала из куртки свой шокер. Подбежав к дерущимся, она уткнула его прямо в спину рыцарю и дала разряд...

Вероятно, она слегка передержала палец на спуске – рыцаря трянуло, пожалуй, чересчур сильно, и от него пошел дым. В воздухе разнесся отвратительный запах паленого волоса, а рыцарь рухнул на пол лицом вверх. Глаза у него почти вылезли из орбит.

– Клиент в лучшем виде, – переводя дыхание, устало констатировал Макс и опустил меч. – Обслужен по первому разряду! В смысле – первого же разряда хватило вполне. – Макс рассмеялся.

– Он что, мертвый? – испуганно спросила Аня.

– Мертвее не бывает, – подтвердил Макс. – Не переживай – туда ему и дорога.

Аня ужаснулась – убивать ей еще не доводилось.

– Но ведь я не хотела... – промямлила она. – Я хотела только вырубить его.

– Вот и вырубил. Все, понеслись!

Они побежали туда, откуда пришли – больше бежать было некуда, – и вскоре вновь оказались на втором ярусе грота Ломбрив.

– Ну, куда теперь? – усмехнулся Макс. – Мы с тобой неплохо справляемся, правда?

Аня промолчала. Сейчас надо думать о спасении. Надо бежать отсюда – но куда? И тут на нее вновь снизошло озарение – кажется, она сегодня и в самом деле в ударе!

– Макс, – сказала она, – я вспомнила...

– Что вспомнила, Анюша? Как мы целовались на мосту?

– Об этом я буду помнить всегда, – ответила Аня. – Но сейчас я вспомнила кое-что более близкое к ситуации.

– О чем ты? У нас нет времени...

– Я вспомнила, – перебила Аня, – где и как проходит один ход, точнее, чуть ли не лаз. Он плохонький, очень узкий, а главное – на нем в одном месте есть провал.

У Ани перед глазами на миг явился эпизод, который произошел в день их прибытия в Каркассон: они втроем сидят за столом и рассматривают схему, развернутую перед ними. И Серж, показывая карандашом на тонкую линию на чертеже, говорит:

– Ума не приложу, кто эту шахту построил и зачем. Самое странное, однако, заключается в другом. – Серж отпил коньяку из стаканчика-крышки своей фляги. – Знаете, я почти все тут сам лично обследовал. Так вот, этот лаз, иначе и не скажешь, кончается норой.

– Норой? – переспросила Аня.

– Да, норой, – подтвердил он. – Вероятнее всего, барсучьей.

Аню это тогда удивило, и, должно быть, поэтому отложилось в памяти. И сейчас она ясно вспомнила, где находится вход в этот лаз.

– Макс, – сказала она, – это здесь, совсем рядом.

Вход, если его можно так назвать, был похож на что угодно, только не на то, чем он являлся. Не зная заведомо, куда ведет эта дыра, ее совершенно невозможно было как-то связать с понятием входа или чего-то в этом роде.

– Это называется «влез», – как всегда, сострил Макс.

Они с трудом пролезли в узкое отверстие. Ане в какой-то момент даже показалось, что плечи Макса не пройдут и он застрянет – ни туда, ни сюда. Но, к счастью, этого не случилось, и они все-таки проникли внутрь.

– Слушай, – сказал Макс, – а не кажется ли тебе, что это – уже нора барсука? Слишком тут узко...

– Здоровый же был барсук!

– Кто бы ни прорыл этот ход, я питаю к нему сейчас прямо нежные чувства. Думаю, уж сюда-то рыцари не полезут.

– Будем надеяться, – ответила Аня, отнюдь не испытывая в этом уверенности.

А главное – непонятно было, что делать дальше. То есть ясно, что нужно будет еще раз дать сигнал. Может, под открытым небом он пройдет. А если нет – что тогда? Об этом не хотелось думать, и не нужно было! Но мысли все равно упорно к этому возвращались.

Да еще и тот рыцарь, которого она убила, хоть и не хотела. А те рыцари, которые загорелись от факелов? Вероятно, и их тоже? Аня понимала, что действовала в ситуации крайней необходимости, да и ей не жалко рыцарей – после той резни... Но тем не менее у нее было как-то тяжело на сердце.

– Что? – спросил Макс, после того как они молча продвинулись уже довольно далеко по «барсучьей норе». – Переживаешь из-за того многоборца?

– Почему многоборца? – удивилась Аня.

– Ну как же! Он и на мечах рубится, и копье мечет... или метает? Как правильно?

Аня невольно улыбнулась: молодец Макс! Все-таки здорово умеет поддерживать тонус. Оптимист. Не то, что она. Раскисла...

– Думаю, что правильно будет «мечет».

– Да? – сказал Макс. – По-моему, мечут икру, или нет?

– Не знаю. Может быть.

– Короче, ты не переживай, что отправила его... Думаю, ясно куда, так?

– Ты хочешь сказать «в ад»?

– Ну не в рай же!

– Не знаю. Мне почему-то не смешно.

– Во-первых, кто смеется? А во-вторых, выкинь это из головы! Он дрянь полнейшая!

– Он человек.

– Какой он человек? Плюнь и забудь. Серж тебя за это извинит. Спишет его в убытки. Проведет по статье «накладные расходы». Да что там говорить! Ты все здорово провернула. Тебя премировать надо. Ты молодца!

Аня только вздохнула. Она совсем не была в этом уверена. Всегда в сомнении – уж такая она есть. Ничего не поделаешь.

Она собиралась уже что-то ответить, как вдруг Макс вскрикнул и куда-то исчез. Господи! Провал! Как они об этом забыли?

– Макс!!! – в отчаянии закричала Аня. – Макс! Ты где?

Разнеслось эхо – удивительно гулкое, мощное. Аня поняла, что они оказались в обширном помещении. Кроме того, ей показалось, что снизу доносится какой-то необычный звук. Со сжавшимся от ужаса сердцем Аня вновь выкрикнула:

– Макс!!!

– Не вопи, ради бога, – прозвучало где-то совсем рядом, но как бы снизу. – Не надо кричать, а то еще что-нибудь посыпется.

– Макс! – позвала Аня тише.

– Уже двадцать шесть лет, – отозвался голос снизу.

– Что «двадцать шесть лет»? – обескураженно произнесла Аня.

– Я уже двадцать шесть лет Макс, – был ответ. – Нет необходимости мне об этом напоминать.

– Боже, Макс, ты все шутишь!

– Ага.

– А что у тебя с голосом? Где ты?

– Я вишу. Поэтому и голос такой...

– Где вишишь?!

– Здесь.

– Где здесь?

– Осмотрись сначала, не двигаясь с места, ясно?

– Ясно.

Аня огляделась и увидела возле себя у стены толстый сталагмит, а прямо напротив темнело узкое отверстие. Это было продолжение хода. Стена со сталагмитом была слева – совсем рядом, а правой вообще не видно. Что же касается странного шума внизу, то Аня поняла, что это шумит вода. Подземная река! Все это она сообщила Макс.

– Понятно, – ответил он, – это и есть провал, чтоб его... Веревки, крючья и все прочее снаряжение у меня в рюкзаке, который сейчас на мне надет. Так всегда бывает. Так что придется без этого.

– А ты где?

– На тебе надет спасательный пояс. Зацепись репшнуром, если сможешь, за сталагмит, который от тебя слева, и только после этого взгляни вниз. Давай!

Аня послушалась Макса: размотала катушку с репшнуром на своем поясе, сделала из него петлю и, накинув ее на сталагмит, зафиксировала карабином. После этого взглянула вниз. Мамочка! Внизу была пропасть – во всяком случае, дна Аня не увидела. Макс висел над ней, уцепившись за нижний край неглубокой ниши в стене. В любую минуту мог сорваться, потому что держался исключительно на пальцах. Сколько они еще выдержат?! И в таком-то положении он еще и острил!

– Видишь меня? – спросил Макс.

Аня заставила себя говорить и действовать спокойно. От нее теперь зависело все. Эмоции – потом.

– Да, Макс, я тебя вижу. Что надо делать?

– Я тебя тоже вижу, – сказал он, задрав голову. – Отлично. Теперь слушай внимательно. Осмотрись еще раз, только осторожно. Проверь, что у тебя под ногами, потом – что по бокам. Постарайся найти надежную опору для ног и посмотри, где край площадки, на которой находишься. Делай.

Аня выполнила указания Макса.

– Я определилась, Макс. У меня есть небольшая площадка, и я смогу упереться.

– В смысле, упереться ногами и спиной, а не рукой? – уточнил Макс.

– Да. Я понимаю, что одной рукой мне тебя не вытянуть, но репшнур закреплен надежно, так что буду тянуть двумя руками.

– Умничка! Хорошо. Соберись, но не напрягайся, ясно?

– Да.

– Отлично! Не думай о пропасти и обо всей прочей фигне. Действуй спокойно – так как если бы никакой опасности не было. Как на тренировке, понятно?

– Я все поняла, Макс, я сейчас.

Аня сделала три глубоких вдоха и выдоха, почувствовав, что дыхание стало размеренным, а сердцебиение успокоилось.

– Готова, – сказала она.

– Хорошо. А теперь давай мне правую руку.

– Даю.

– Есть!

Макс и Аня сцепили руки: правая Ани и левая Макса. Теперь Макс держался на пальцах правой руки и на Аниной правой руке. Подошел самый опасный момент. Аня старалась, невзирая ни на что, сохранять спокойствие. А положение было действительно крайне рискованным, ведь она весила на пятнадцать килограммов меньше, чем Макс. В этот момент она с радостью согласилась бы стать толстой и тяжелой. Но приходилось обходиться тем, что есть. Она уперлась спиной и обеими ногами, а затем схватила левую руку Макса выше локтя теперь уже и левой рукой.

– Макс, я готова.

– Тяни!

И Аня потянула изо всех сил. Никогда она не думала, что может развить такое усилие. Она вложилась в это решающее движение полностью, до самого доньшка, и ведь не зря говорят, что организм имеет скрытые резервы. Как бы там ни было, все получилось – с помощью Макса, разумеется. Он умудрился оттолкнуться от края ниши, за который держался, сначала правой рукой, а затем и ногой.

Фу! Слава богу! Они вновь были вдвоем на тесной площадке.

– Ну ты сильна, женщина! – веселился Макс, несомненно давая разрядку стрессу, который уже просто зашкаливал. – А еще говорят «слабый пол». Какой там! Я бы сказал «неслабый пол» – это куда ближе к суровой действительности.

Аня молча слушала, сидя на площадке, ограниченной пропастью, дна которой не видно, в подземелье, в чуждом и враждебном мире. Связь со своим миром утеряна, и неизвестно, удастся ли ее восстановить...

Но ей было хорошо – тепло и комфортно, потому что Макс был опять рядом. Она прижалась к нему, рассеянно слушая его треп, и улыбалась. Она не особо вникала в то, что он говорил, понимая, что это от пережитого. Концентрация упала, и она только чувствовала, как мышцы, расслабляясь, отходят от напряжения. На поддержание разговора у нее уже просто не хватало сил. Так они просидели минут десять.

– Надо трогаться, – резко перешел Макс на деловой тон. – Ты пришла в себя?

– Почти. – Аня встала. – Как пойдём?

– Для начала надо осмотреться.

Они обвели взглядом пространство. Вдоль левой стены шел узенький карниз – шириной не более тридцати сантиметров, по которому, в принципе, можно добраться до отверстия хода, зиявшего прямо впереди.

– Так, – сказал Макс, – картина ясна. Пошли!

Аня и Макс ступили на карниз и начали движение по нему: медленно, боком, плотно прижавшись спиной к стене и держась за руки. Продвигались короткими шажками, ставя ноги под углом и пробуя левой ногой то место, на которое собирались ступить, на прочность, прежде чем перенести на него вес тела и подтянуть правую ногу; соблюдали предельную осмотрительность, понимая, что любое неосторожное движение может привести к потере равновесия и... Нет, думать об этом нельзя!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.